

ПЛЕХАНОВ Г.В. ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ. ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

I.

Чтобы выяснить историческое значение деятельности Лассаля, мы считаем не лишним, в немногих словах, напомнить читателю те общественно-политические движения, которыми ознаменовалась внутренняя история Германии в первой половине XIX века.

В начале этого века Германия является страной, очень отсталой в экономическом и политическом отношениях. Ее и без того ничтожное промышленное развитие стесняется множеством препятствий, унаследованных частью от средних веков, а частью от времен полицейски-заботливой деятельности «просвещенных деспотов» XVIII века.

Обмен до крайности затрудняется политической раздробленностью страны и внутренними таможенями; крепостное право продолжает сковывать сельское население; крупное землевладение имеет совершенно феодальный характер; безобразное, многоголовое здание абсолютизма давит «великое немецкое отечество» и не оставляет места для политической самостоятельности граждан.

Впрочем, честный Михель и не претендовал на такую самостоятельность. Хотя и не легко жилось ему под капральскою палкою его бесчисленных больших, средних и малых правителей, но он слишком сильно проникнут был страхом Божиим и духом филистерским, чтобы подумать о иных политических порядках. Вероятно, он долго еще не вышел бы из своего забытая, если бы его не разбудили пушки Наполеона (Сочувственное отношение к французской революции скоро уступило, как известно, место благочестивому негодованию против «ужасов» террора.).

Французские победы показали всю гнилость общественного и политического устройства Германии. Неприятельское нашествие пробудило во всем образованном населении стремление к свободе и национальному объединению. В Берлине раздался мужественный голос Фихте, который в своих восторженных «Речах к немецкому народу» заявляет, что он обращается к немцам вообще, говорит о немцах вообще, «совершенно не признавая всех тех подразделений, которые с давних времен создались в единой нации, благодаря несчастным событиям».

Почти в то же время (в 1810 г.) Арндт взывал в одной из своих боевых песен:

Zu den Waffen! Zu den Waffen!

Als Männer hat uns Gott geschaffen,

Auf, Männer, auf! und schlaget drein!

Die Freiheit soll die Lösung sein!

(К оружию! К оружию! Бог создал нас мужами, восстаньте же, мужи, и сражайтесь! Свобода должна быть вашим лозунгом.)

Правительства волей-неволей принуждены были поддерживать это стремление, так как в нем заключался единственный залог победы. Мало того, чтобы поощрить мужество немцев, им обещали даже представительное правление.

Обещание это было, однако, забыто почти всеми немецкими правительствами тотчас же после падения Наполеона.

Поощрявшаяся прежде любовь к свободе стала преступлением, самый патриотизм сделался подозрительным в глазах немецких правителей, обязанных ему своим восстановлением. Глава реакции, Меттерних, человек, по мнению которого даже император Александр I был до 1815 г. «чистым якобинцем», решился «противопоставить миру, находящемуся в безумии, другой мир, исполненный мудрости, разума, справедливости и порядка», т. е., в переводе на прозаический язык, старый «мир» полицейско-деспотического режима. О немецком единстве не было и помину. Неудивительно, поэтому, что в более развитых слоях нации явилось неудовольствие и раздражение.

«Уже во время последней (наполеоновской) войны можно было слышать от Арндта, Петерса, Лудена, Яна жалобу на то, что опасность и борьба слишком скоро прошли для Германии, что мир

слишком легко возвратит изгнанных духов тьмы, что только новая война может отвратить вредную порчу, вкрадывающуюся в отечественные дела», говорит Гервинус в своей «Истории девятнадцатого века». Но войны не было, а следовательно, и нельзя было надеяться на то, что новый мир принесет, наконец, Германии политическую свободу. Оставалось завоевать ее путем борьбы с реакцией. Но здесь подтвердилась та старая истина, что борьба за внутреннюю свободу предполагает в народе гораздо большую степень развития, чем борьба за внешнюю независимость. Против французского «тирана» поднимались все или почти все; против собственных, гораздо худших, деспотов способны были восстать в тогдашней Германии только немногие. Эти немногие принадлежали, главным образом, к «интеллигенции» страны, к учащим и учащимся. Уже в конце второго десятилетия между немецкими студентами появляются решительные революционеры, которые приобретают значительное влияние на молодежь. Братья Фоллены основывают в Гиссене свое общество «Безусловных» (der Unbedingten). В одной из песен, распевавшихся членами этого общества, говорится, что

Nur die Bürgergleichheit, der Volkswille ist Selbstherrscher von Gottesgnaden.

Другая песня заканчивается решительным воззванием:

Nieder mit Kronen, Thronen, Frohnen. Drohnen und Baronen! Sturm!

Борьба, начавшаяся, таким образом, между правительствами и революционной молодежью, по необходимости должна была протянуться очень долго. С одной стороны, революционеры были слишком правы в своих требованиях, чтобы отступить от них при первых неудачах, а с другой стороны невозможно было скорое осуществление этих требований, так как они находили сочувствие лишь в очень незначительной части населения.. Дворянство боялось за свои привилегии, а «горожанин, издавна боязливо привязывавшийся к своему дому и ремеслу, не имел до той поры ни привычки, ни времени думать об общественных делах, не имел ни понятия, ни способности к тому, чтобы получить понятие о судьбах и обстоятельствах государственного быта, почти не имел понятия и о делах своей общины. Он с радостью готов был уклоняться от всякой гражданской обязанности, и за это рад был бы отказаться от всех гражданских прав; даже когда появлением сборщика податей напоминалась ему обязанность, ему едва вспоминалось право. Он предоставлял думать о государственных делах чиновнику, потому что ведь они вверены ему, хоть и ненавидел этого чиновника. Точно так же он... предоставил высшие почести и должности в государстве дворянину, хотя и сердился на его привилегированность» (Гервинус, «История XIX века», т. 11, стр. 370.).

Об эту неразвитость, об этот индифферентизм разбивались все усилия революционной молодежи, которая, по словам того же Гервинуса, «отчаянно мучилась нетерпеливым сомнением, когда же, наконец, начнет, и начнет ли когда-нибудь, таять эта старая ледяная кора». События показали, что для «таяния» необходимо было изменение внутреннего строения «коры». А оно не заставило себя ждать, и совершалось неуклонно, хотя медленно и незаметно. Политическая неразвитость среднего сословия обуславливалась его экономической отсталостью, преобладанием в Германии мелкого ремесленного производства. Но мелкое производство само заключает в себе условия, которые рано или поздно устраняют его, выдвигая на сцену крупную промышленность. К тому же здесь присоединилось влияние международных отношений, ускорявших внутреннее развитие Германии. Таким образом, между тем как правительства свирепствовали против молодежи и постановляли свои «Карлсбадские» и другие решения; между тем как революционеры ломали голову над вопросом о том, как же разбудить народ, - на историческую сцену Германии выступили новые действующие лица.

Рядом с совершенно забытым крестьянином и с политически-неразвитым горожанином старого закала появились крупный предприниматель и работник, буржуа и пролетарий.

Первым заявил о своем появлении, как и следовало ожидать, господин предприниматель. С начала тридцатых годов его присутствие дает себя чувствовать во всех сферах тогдашней общественной жизни. «Только тогда купец и основатель акционерных обществ, как Ганзман, мог сделаться руководителем общественного мнения, - говорит Ф. А. Ланге («Geschichte des Materialismus», Iserlohn 1882, 2 B., S. 430-437). - Промышленные товарищества и подобные им общества росли, как грибы... Граждане начинавших богатеть городов заводили политехнические

училища, ремесленные и торговые школы, между тем как несомненные недостатки гимназий и университетов рассматривались в увеличительное стекло отрицательного отношения. Правительства... были, вообще говоря, охвачены тем же духом. Главнейшая их деятельность направлена была на создание средств обмена и сообщения; важнейшим социально-политическим делом всего десятилетия была организация Немецкого Таможенного Союза. Еще более важную по своим последствиям оказалась постройка железных дорог, над которою соперничали с половины десятилетия главнейшие торговые города. Как раз в то же время интерес к естественным наукам обнаружился, наконец, и в Германии, при чем самую выдающуюся роль играла химия, - наука, стоящая в теснейшей связи с практическими интересами».

Влияние новых общественных потребностей не менее заметно и в области так называемых нравственных и политических наук. В экономике появляется учение Фридриха Листа, в котором, как в зеркале, отражается тогдашнее положение немецкой промышленной буржуазии. В политике растет увлечение конституционализмом. Наконец, в следующем десятилетии немецкая философия разрывает с тем духом компромисса, который, по замечанию Ибервега, характеризует собою всю ее историю; ее передовые представители становятся во главе оппозиционного и даже революционного движения. Буржуа начинает сознавать свое значение и готовится вмешаться в борьбу революционной молодежи с правительством.

В начале сороковых годов напоминает о своем существовании и пролетарий. В различных местностях Немецкого Союза происходят рабочие волнения, которые умирятся розгами и штыками. Причиной этих волнений было, конечно, бедственное экономическое положение рабочих, и, в этом смысле, можно сказать, что они являлись грозным предостережением и для самой буржуазии. Но, во-первых, принятыми против них жестокими мерами правительства сами поторопились обратить на себя ненависть рабочего класса. В своем знаменитом стихотворении «Ткачи», написанном по поводу силезских волнений, Гейне не даром заставляет рабочих посылать проклятие «королю всех счастливых». Кроме того, созданный развитием новой формы промышленности, пролетарий по необходимости становится во враждебное отношение ко всем остаткам старых общественных отношений, а, следовательно, и к полицейски-деспотическому государству (Положение рабочего и ремесленного подмастерья в тогдашней Германии было едва ли лучше положения работника в современной нам России. К жалкому экономическому положению прибавлялась полная беззащитность от полицейского произвола. В Австрии чиновники обращались с работниками, «как со скотом. Кто хоть раз побывал утром в венской полицейской дирекции, помнит, как целые сотни подмастерьев стояли по целым часам в узком коридоре, дожидаясь окончания пересмотра их «путевых книг» между тем как полицейский, с саблей или с палкой в руке, присматривал за ними подобно надсмотрщику за рабами. Полиция и юстиция будто сговорились довести этих бедняков до отчаяния». Ernst Vieland, «*Soziale Geschichte der Revolution in Oesterreich*», Leipzig 1850, цитировано у Bernhard's, Becker's, «*Die Reaktion in Deutschland gegen die Revolution von 1848*», Braunschweig 1873, S. 68.).

Разбуженный шумом нового движения, стесненный в своем материальном положении развитием крупной промышленности, мелкий горожанин (Kleinbürger) также почувствовал недовольство существующим политическим порядком и заговорил о конституции.

Наконец, заволновался и крестьянин, который во многих местностях Германии был, как мы уже сказали, почти в полной крепостной зависимости.

Под соединенными усилиями всех этих недовольных элементов пало в 1848 году насквозь прогнившее здание немецкого абсолютизма.

Уже в период, предшествующий революционному взрыву 1848 года, эти враждебные абсолютизму элементы делились (поскольку они доросли до мысли о политической борьбе) на различные политические партии. Либеральная партия, с ее осторожным, «законным» способом действий, защищала интересы крупной и огромной части мелкой буржуазии. Эта партия не организовала тайных обществ, не делала заговоров и не сражалась на баррикадах. Она предоставляла это революционной молодежи и рабочим. Однако, тотчас же после падения абсолютизма власть фактически попала в ее руки, так как ее сторонники составили большинство в законодательных и городских собраниях. Ей выпала, таким образом, руководящая роль в борьбе с реакцией, и от ее тактики, от ее энергии и предусмотрительности зависели ход и исход этой

борьбы. К сожалению, такая роль оказалась ей не по силам. Чтобы добить реакцию, нужно было вооружить народ и поддерживать его революционное настроение, а буржуазия более всего боялась именно революционного настроения народа. Вооруженный пролетарий был для нее гораздо страшнее прусского или австрийского солдата. Когда 6-го апреля берлинские работники мирно собрались для обсуждения своих нужд и требований, буржуазная гражданская стража поспешила окружить место собрания и занять ближайшие улицы. В другой раз редактор «Zeitungshalle», Dr. Юлиус, напечатал прокламацию, в которой некоторые увидели подстрекательство рабочих против буржуазии. Такая дерзость вызвала всеобщее негодование. Студенты окружили редакцию, чтобы воспрепятствовать распространению листка, многие горожане и все биржевые деятели сговорились никогда более не брать его руки, а министр юстиции Борнеманн приказал начать против преступного редактора судебное преследование» (Bernhard Becker, «Die Reaktion in Deutschland», S. 53.). Ни в Берлине, ни в Вене, в этих важнейших центрах, где решалась судьба революции, работники не имели другого оружия, кроме камней и своих рабочих инструментов. Венские демократические комитеты мало смущались этим обстоятельством, продолжая водить невооруженных рабочих на манифестации и даже на баррикады. 14-го июня 1848 года берлинские рабочие сделали было попытку овладеть цейхгаузом, чтобы запастись оружием, но они были отбиты соединенными усилиями регулярных войск и буржуазной гражданской стражи (Эта последняя проявила истинно-геройский дух. «Нами овладело такое рвение, - говорит известный Рудольф Гнейст, служивший тогда в этой страже, - что три стражника - сразу кинулись со штыками на семнадцатилетнего мальчика, который вздумал было рассуждать» (!) «Berliner Zustände», Цитировано у Беккера, стр. 103-104.). Мало того, те же самые венские демократы боялись наплыва в столицу рабочих из других городов. Заведывавший общественными работами в Вене, единомышленный им «Рабочий Комитет» объявил, что городская община обязана доставлять работу только своим беднякам, и потребовал удаления всех иногородних рабочих. Само собою понятно, что реакция могла лишь рукоплескать мероприятиям, ослаблявшим революционную силу города.

Тоскливое настроение немецкой буржуазии прекрасно отражается в следующих строках «Augsburger Allgem. Zeitung»: «Общественный кредит исчез, - писала она в марте 1848 года, - торговля пошатнулась до основания, дела находятся в застое во всех отраслях промышленности, заработки и доходы уменьшаются все более и более, имущие сокращают свои расходы; ремесленники и великий класс тех, которые живут заработной платой, видят себя в опасности лишиться этого источника существования, а что всего хуже - отвыкают от труда, от спасительного довольства своею участью, и служат движению удобными орудиями, которые скоро готовы будут переменить общественные роли. Благоразумный бюргер знает грозящую ему опасность»... (Becker, 48.)

«... Борьба идет не столько между республикой и монархией, сколько между капиталом и бедностью, между имуществом и рабочей силой, между повелевающим и служащим классами общества», - писала в апреле та же газета. - Майские и июньские события в Париже еще более усилили опасения немецкой буржуазии. Повсюду стали распространяться тревожные слухи о рабочих волнениях. Достаточно было самой вздорной выдумки, чтобы вызвать панику между зажиточными классами той или другой местности» (Характерен следующий факт. Два берлинских работника поссорились с булочником за то, что он продавал слишком маленькие хлеба. Это событие тотчас же нашло отголосок в Собрании Городских Представителей (Stadtverordneten-Versammlung), и один из его членов обратился к своим товарищам с предложением подумать о том, «как защитить булочников»). При таком настроении «благоразумного бюргера», никакие воззвания не могли подвинуть его на решительные шаги в борьбе с реакцией. Он «протестовал», ссылаясь на свое доброе право и оказывал «пассивное сопротивление» там, где нужно было аргументировать штыками и убеждать пушками.

Радикальная демократия умела стать с оружием в руках на защиту своих требований, но ее двусмысленное положение «между капиталом и бедностью, между имуществом и рабочей силой» помешало ей отождествить свое дело с делом рабочего класса и выработать себе, с самого начала движения, определенную, последовательную и решительную программу действий. Мы уже видели, что она не всегда заботилась даже о вооружении народа.

С своей стороны, рабочие нисколько не были расположены хладнокровно смотреть на успехи побежденной ими в марте реакции. Не раз предлагали они буржуазным законникам оказать вооруженную поддержку их требованиям; но те предпочитали «пассивное сопротивление», а рабочие были еще слишком малочисленны, слишком плохо организованы, чтобы отстоять своими собственными усилиями дело политической свободы. Во всяком случае, они до конца остались лучшими защитниками этого, оставленного буржуазией, дела. «Когда, в конце 1848 года, монархия направила решительные удары против прусского Национального Собрания, - говорит Георг Адлер, - берлинские члены союза «Arbeiter-Verbrüderung» (Далеко не самого революционного из германских рабочих союзов.) заявили этому Собранию, что они готовы защищать его и предоставляют свои силы в его распоряжение. Центральный же Комитет Союза требовал в своем воззвании к местным и окружным комитетам немедленного вооружения рабочих для защиты Собрания. («Настало время, когда каждый город, каждая деревня в Германии должны превратиться в крепость против тирании. Докажем, что мы достойны свободы!» - говорилось в воззвании.) ...В Саксонии, в Бадене, в Рейнском Пфальце члены «Verbrüderung» принимали деятельное участие в восстании (1849 года). И хотя в других странах восстание «не имело места, но названный Союз употребил все средства, чтобы его вызвать. Во время восстания в юго-западной Германии, так называемой Reichsverfassungs-Kampagne, Центральный Комитет Вюртембергских ветвей Союза издал воззвание, в котором он объявлял обязанностью всякого немца, и в особенности рабочего, принять участие в борьбе...

Запрос подал повод к длинным дебатам, пока, наконец, один из членов не заметил, что имущие классы поступают слишком глупо, поднимая тревогу при каждом пустяке. Adler, «Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland», S. 159.

Словом, во все время контрреволюции весь Союз, без малейшего колебания, шел рядом с революционной демократией и составлял ее надежнейшую опору. И нужно заметить, что ни разу, ни в одном из разветвлений Союза не поднялось ни одного протеста против этой тактики, ни одного сомнения в ее правильности» (Georg Adler, «Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland», Breslau 1885, S. 199-200.).

Торжествующая реакция поспешила уничтожить всякий след рабочего движения в Германии. Помимо частных мероприятий отдельных правительств против свободы слова, печати, собраний и в особенности рабочих союзов, Пруссия и Австрия предложили Союзному Собранию обсуждение вопроса о том, «каким образом уничтожить вредное влияние ассоциации на ремесленное сословие». Не трудно догадаться, что ответили «Высочайшие и Высокие Союзные Правительства». Постановлением от 15-го июля 1854 г. они обязались «в интересах общественной безопасности распустить, в течение двух месяцев, все еще существующие в их странах рабочие союзы и товарищества, преследующие политические, социалистические или коммунистические цели и впредь воспретить образование таких союзов под страхом наказания». Со свойственным им здравым практическим смыслом, представители реакции поняли, что господство их будет прочно до тех пор, пока рабочий класс не станет против них в угрожающее положение.

Торжество реакции продолжалось целых десять лет. Но и теперь, как в эпоху Священного Союза, оно не могло остановить промышленного движения страны. Капитализм делал в Германии огромные успехи «Глубоко потрясенная в своих основаниях Австрия стремилась возродиться на основе промышленного прогресса... Быстрой чередой следовали одни за другими договоры, спекуляции и финансовые постановления... В Богемии возникали каменноугольные копи, заводы для обработки руды, железные дороги. В южной Германии быстро росла хлопчатобумажная промышленность. В Саксонии в небывалом до сих пор масштабе развивались почти все отрасли металлической промышленности и обработки волокнистых веществ. В Пруссии с лихорадочным жаром взялись за горное и горнозаводское дело, - железо и уголь стали злобой дня. В Силезии, а еще более на южном Рейне и в Вестфалии старались сравняться с Англией. Не более как в десятилетний период времени добывание угля удвоилось в Саксонском королевстве и утроилось на Рейне и в Вестфалии... Стоимость добытого железа удвоилась в Силезии и упятерилась в западной части Прусской монархии. Общая стоимость продуктов горного дела и горнозаводской промышленности более чем утроилась. Железные дороги были приспособлены к массовой перевозке продуктов и были завалены работой. Развивалось также корабельное дело, а вывоз принял даже отчасти характер спекуляции. После падения парламента немецкому объединению

старались содействовать единством мер и весов. Довольно характерно, что вексельное право было единственным остатком великого национального движения».

Это промышленное процветание необходимо предполагало увеличение численности рабочего класса. Развитие крупной промышленности разоряло мелкую буржуазию и также толкало ее в ряды пролетариата. Силы его росли вопреки всевозможным союзным постановлениям. В то же время чувствовала себя сильнее и буржуазия, и рано или поздно она должна была сделать новую попытку взять политическую власть в свои руки. Но без поддержки со стороны рабочего класса такая попытка была заранее обречена на неудачу, а между тем, в памяти буржуазии еще живы были страшные воспоминания 1848 года. Вовлекая рабочий класс в политическую борьбу, «благоразумный бюргер» рисковал опять подвергнуться «грозившей» ему тогда «опасности». Как разрешить это противоречие?

В доброе старое время оно разрешалось очень просто, или, лучше сказать, вовсе не существовало. Когда во время июльской революции парижские работники овладели Лувром, Лафайет предложил выдать беднейшим из них по пяти франков. Гордые оборванцы отказались, буржуазия спрятала свои деньги в карман и целых восемнадцать лет держала «самодержавный народ» вдали от всякого участия в политических делах. Трудно придумать что-нибудь лучше такой развязки, но можно ли было думать о ней после «сумасшедшего» 1848 года? Нужно было искать другого выхода.

Как раз в период после 1848 года пышно развилась экономическая литература, имевшая целью доказать, что чем более богатеет капиталист, тем жирнее становится рабочий. Конечно, в своей аргументации г.г. экономисты охотнее апеллировали к умозрению, нежели к опыту, но произведения их во всяком случае были настоящим даром небес для немецкой буржуазии. Экономическая гармония ведет за собою политическую солидарность. Если капиталист богатеет в интересах всего народа, то народ, ради своих собственных интересов, должен поддерживать капиталиста. А чтобы поддерживать его, рабочим вовсе не надо того всеобщего избирательного права, которым временно пользовались они в 1848 году, и о котором до тех пор еще не забыли некоторые «идеологи». Буржуазия охотно избавит рабочих от всех политических забот. Она пойдет в парламенты, займет важнейшие общественные должности. С ее богатством ей не страшен ценз, не опасны ограничения избирательных прав бедняков. От рабочих же требуется только одно: готовность ринуться на врагов буржуазии по первому ее знаку. Но и это крайность, до которой сами враги ее не захотят доводить дела. Для них достаточно одной угрозы. Но, чтобы угроза была действительна, нужно, опять-таки, полное доверие рабочих к их «естественным руководителям».

Учение о гармонии интересов труда и капитала естественно дополняется учением о государственном невмешательстве. Если величайший экономический вопрос нашего времени разрешается сам собою, путем свободного действия законов производства и распределения, то со стороны государства было бы нелепой претензией вмешиваться в другие, менее важные и менее запутанные общественные отношения. Правда, если бы речь зашла о государственном невмешательстве в международные экономические отношения, т. е. о свободе внешней торговли, то иностранная конкуренция скоро заставила бы немецкую буржуазию припомнить теорию Фридриха Листа. Но в описываемую эпоху предметом самых горячих споров был вопрос о свободе внутренних отношений, на которую никак не хотела согласиться реакционная партия. Буржуазии нужно было во что бы то ни стало добиться окончательной отмены цехов, свободы труда и передвижения, а в этом случае принцип «laissez faire, laissez passer» был ей как нельзя более на руку. За проповедь этого принципа взялась фаланга ученых вроде Макса Вирта, Пр. Смита, Фаухера, Михаэлиса и Оппенгейма. Их поддерживали целые полчища полуученой, недоучившейся и совсем ничему не учившейся братии: газетчиков, публицистов, политических деятелей, промышленников и т. д. и т. д. Странники Листа и так называемой исторической школы на некоторое время совершенно сошли со сцены. Вся нереакционная пресса была в руках манчестерцев.

Известно, однако, что соловья баснями не кормят. Как ни красноречива была проповедь экономической гармонии, но работники, со свойственным им «грубым материализмом», могли потребовать чего-нибудь более питательного. На этот случай припасено было учение о

самопомощи, главным распространителем которого был Шульце из Демича, или, как его называли для краткости, Шульце-Делич.

Герман Шульце родился в 1808 году и, следовательно, в описываемую эпоху был уже очень пожилым человеком. Общественно-экономические отношения обратили на себя его внимание еще во время революционных бурь 1848 года. Уже в следующем, 1849-м, году он основал первое рабочее товарищество в своем родном городе Деличе. Это была касса для больных со 136 членами. В 1850 году там же устроено первое ссудное товарищество. Затем последовали так называемые сырьевые товарищества (Rohstoffvereine) в Деличе и Эйленбурге. До 1850 года планы его были известны только небольшому кружку, но с этого времени начинается его писательская деятельность. Распространение учений Шульце-Делича было еще более облегчено тем, что он приобрел орган: «Die Innung der Zukunft», начавший выходить в 1854 году в виде приложения к немецкой ремесленной газете («Deutsche Gewerbezeitung»), а с 1861 года превратившийся в самостоятельный ежемесячный журнал (См. «Промышленные Товарищества во Франции и Германии» Андрея Исаева, Москва 1870 г., стр. 168~170.). Осенью 1858 года Шульце отправился для пропаганды своих воззрений на международный благотворительный конгресс во Франкфурте-на-Майне. Само собою разумеется, что планы его очень заинтересовали буржуазных благотворителей. Но только в следующем, году был заключен полный союз между ним и учеными представителями буржуазии на Готском (Gotha) конгрессе немецких экономистов, с этого времени начинается огромная известность Шульце-Делича. «Экономисты и литераторы превозносили его дома и за границей как великого победителя чудовищ и спасителя рабочих» (Rudolph Meyer, Emancipationskampf des vierten Standes, I т. I отд., стр. 179.).

Число ассоциаций росло очень быстро, и уже в 1859 году основан был «Союз немецких товариществ», во главе которого стал, разумеется, Шульце. В 1861 г. тот же Шульце был выбран в прусский Ландтаг депутатом из Берлина, при чем всегда оставался деятельным и верным членом прогрессистской партии, а иногда, в пылу ораторского увлечения, называл себя даже демократом (Прогрессистская партия образовалась в 1861 году в Пруссии из соединения старой либеральной партии с демократами, сделавшимися теперь гораздо сговорчивее и отказавшимися далее от требования всеобщего избирательного права. По пословице, «кто старое помянет, тому глаз вон», демократы отказались также от прежнего названия своей партии, которое все-таки обязывало к чему-нибудь, и приняли бессодержательную кличку - прогрессисты).

Таким образом, «благие начинания» Шульце-Делича увенчались полным успехом. Влияние его - а с ним всей буржуазии - на рабочий класс было, невидимому, уже прочно обосновано, и в будущем должно было упрочиваться все более и более. Буржуазная пресса с гордостью называла его «королем в социальной области».

Были, правда, особенно между крупными немецкими капиталистами, и такие люди, которые вообще не любили никаких экскурсий в «социальную область». Эти стародумы держались того мнения, что подобные экскурсии всегда могут завлечь рабочих дальше желательной цели, и что вообще им лучше было бы довольствоваться одной «гармонией». Но скоро события вполне оправдали тактику Шульце, и сами порицатели его должны были сознаться, что она вполне согласна с «духом времени». Впрочем, об этом ниже, теперь же посмотрим, что представляли собою основанные нашим «королем» товарищества.

Он сам подразделял их на следующие виды:

- 1) Союзы самообразования.
- 2) Ссудные и кредитные товарищества, народные банки и тому подобные организации, «удовлетворяющие нужды своих членов в деньгах и кредите».
- 3) Сырьевые товарищества, «в которые вступают ремесленники и работники данной отрасли для совместного приобретения оптом сырых материалов, а также машин и вообще дорогих рабочих снарядов».
- 4) Потребительные товарищества, «которые служат для оптовой закупки различных предметов потребления».

5) «Кассы для больных и санитарные союзы, в которых с меньшими затратами можно пользоваться медикаментами и медицинской помощью» (Schultze-Delitsch, Capitel zu einem deutschen Arbeiter-Katechismus, Leipzig 1863, S.S. 126-127.).

К сырьевым товариществам Шульце относил также союзы совершенно иного характера. Одни из этих союзов (Magazinenvereine) устраивались для совместной продажи продуктов труда их членов; другие представляли собой производительные товарищества в собственном смысле, в которых «производство и сбыт продуктов велись на счет и риск всей организации».

Просим читателя не забывать, что все эти товарищества основаны были на принципе самопомощи. В этом - их отличительный характер и тайна того сочувствия, с которым их приветствовала буржуазная пресса. Рабочие ничего не должны требовать от государства, его помощь была бы для них унижительна. У них есть другое средство для улучшения своего положения - именно сбережения. Этим верным путем они, мало-по-малу, скопят средства, необходимые для заведения самостоятельных предприятий и для конкуренции с крупными капиталистами.

Фабричный рабочий, пролетарий, вовлеченный в процесс крупного производства, мог бы ответить на это, что все его сбережения исчезают во время кризисов и безработицы. Он мог бы прибавить также, что современные крупные промышленные предприятия требуют затраты огромных средств, которых не соберешь никакими «сбережениями» из заработной платы. Но Шульце мало интересовался участием пролетариата. За ним шли, главным образом, ремесленники, мелкие самостоятельные производители, смотревшие на его кредитные и сырьевые товарищества, как на некоторую поддержку в их тяжелой борьбе с крупным капиталом. Разумеется, эти товарищества не могли предотвратить развития крупной, а следовательно, и гибели мелкой промышленности. Но все-таки они обещали временное облегчение, и ремесленники хватались за них, как утопающий хватается за соломинку. В ремесленниках была вся сила армии «самопомощи». Не даром орган Шульце-Делича носил характерное название «Die Innung der Zukunft».

Что касается до обществ самообразования, то они должны были служить главным средством для распространения между рабочими экономических и политических теорий прогрессистов. Консервативный Мейер прекрасно определяет их значение. «В этих союзах, - говорит он, - цвет рабочего класса должен был получать такую дрессировку, чтобы буржуазия могла вербовать в его среде преданнейших унтер-офицеров и с их помощью усиливать свое влияние на массу». Не трудно догадаться, что рабочие не выносили оттуда ничего, кроме ничтожных доз самых отрывочных сведений. Им преподносили там «сегодня чтения об Уланде, завтра об японском Микадо, затем о спектральном анализе и т. д.» (Meyer, *ibid.*, S.S. 180-184),

Систематически излагалось лишь учение об экономической гармонии. За это дело взялся все тот же великий Шульце. «Капитал есть необходимое условие и верный помощник человека в производстве, - поучает он рабочих в своем «Катехизисе». - Трудно понять поэтому, каким образом он мог бы быть силою враждебной рабочему классу, благосостояния которого нельзя отделить от процветания труда вообще. А между тем, некоторые (читай социалисты) стараются уверить в этом рабочих... Рост капитала обуславливает больший спрос на труд и лучшую заработную плату. И она действительно возрастает, если только работники не размножаются в еще большей прогрессии». В четвертой главе своего «Катехизиса» Шульце разбирает «различные системы, имеющие то общее свойство, что они хотят облегчить положение рабочего класса посредством помощи извне, помимо его собственной силы». Само собой понятно, что он решительно восстает против этих, совершенно искаженных им, систем. «Что я не разделяю этих взглядов, вы знаете уже из прежних чтений («Катехизис» представляет собою ряд чтений.), так как я с самого начала исходил из того положения, что человек получил от природы не только нужды, но также и силы, правильное употребление которых ведет к удовлетворению нужд» (Capital, S.S. 76-77.).

Мы не будем разбирать удивительной аргументации Шульце-Делича: об этом позаботился Лассаль. Посмотрим лучше, чему учил он рабочих в политике.

Когда некоторые лейпцигские работники пожелали сделаться членами либерального «Национального Союза» (National-Verein), Шульце-Делич посоветовал им сберечь для домашних расходов те деньги, которые им пришлось бы затратить на членские взносы (National-Verein был основан 14 августа 1859 г. в Эйзенахе. Он стремился к объединению либеральных партий и фракций всех немецких стран для совместной агитации в пользу образования Германского Союзного государства под главенством Пруссии. Неудивительно, что прусские прогрессисты относились к этому Союзу с величайшим сочувствием.). В то же время National-Verein провозгласил всех рабочих своими почетными членами. Это кажущееся бескорыстие вело за собой для рабочих нравственную обязанность поддерживать «Союз», лишая их вместе с тем всякого решающего голоса в его делах. Буржуазия не довольствовалась тем, что рабочие шли за нею, отказываясь от независимой политической роли. Ей нужно было лишить их всякой возможности получить какое-нибудь самостоятельное политическое значение.

Сподвижники Шульце, М. Вирт и Фаухер, прямо заявили в Лейпциге, что всеобщего избирательного права вовсе не нужно, потому что и трехклассный избирательный закон мог дать такую либеральную палату, как тогдашняя прусская.

Некоторое время эта тактика прекрасно удавалась. Уже несколько раз цитированный нами Мейер с негодованием консерватора жалуется, что либеральная буржуазия разыгрывала из себя единственную защитницу народных интересов и совершенно господствовала в городах. «Она терроризировала собрания других партий. Она расстраивала собрания консерваторов».

Но в среде немецких рабочих уже до 1848 года были люди, понимавшие интересы своего класса. Тем труднее было удовлетворить пролетариат либеральной болтовней теперь, когда рост крупной промышленности дал новый толчок его развитию. Осенью 1862 года Лейпцигский Рабочий Союз решил созвать конгресс для лучшего уяснения экономических и политических задач рабочего движения. Выбранный для созвания конгресса Центральный комитет вступил в сношения со многими рабочими обществами и с некоторыми отдельными лицами, почему-нибудь обратившими на себя его внимание. В числе этих лиц был и Фердинанд Лассаль.

В феврале 1863 года Отто Даммер написал ему, от имени названного комитета, следующее письмо:

«Милостивый Государь!

«Ваша брошюра «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» встречена была здешними рабочими с величайшим сочувствием, и Центральный Комитет высказался в Вашем смысле в «Рабочей Газете» (Орган, издававшийся либеральным National-Verein'ом.). В то же время, с различных сторон высказываются очень серьезные сомнения в том, что рекомендуемые Шульце-Деличем товарищества могут оказать действительную помощь ничего не имеющей рабочей массе и надлежащим образом изменить ее положение в государстве. В № 6 «Рабочей Газеты» Центральный Комитет высказал свой взгляд на этот предмет. Он убежден, что при современных условиях названные товарищества не могут служить для этого действительным средством. Но так как идеи Шульце-Делича повсюду проповедуются, как руководящие идеи рабочего сословия, и так как, помимо указанных Шульце-Деличем, могут быть еще другие пути для достижения нашей цели: улучшения положения рабочих в политическом, материальном и умственном отношениях, то Центральный Комитет, в своем заседании 10 февраля тек. года, единогласно постановил:

«Просить Вас высказать в той или другой форме Ваш взгляд на рабочее движение, на средства, которыми оно должно пользоваться, а в особенности на значение товарищества для беднейшего класса народа. Мы придаем большую цену взглядам, высказанным Вами в вышеназванной брошюре, и сумеем оценить Ваши дальнейшие сообщения. В заключение мы просим Вас по возможности скорее исполнить наше желание, так как нам очень хотелось бы придать более быстрый ход рабочему движению. Примите и пр.

За Центральный Комитет для созвания Всеобщего Немецкого Рабочего Конгресса Отто Даммер» (Bernhard Becker, Geschichte der Arbeiter-Agitation Ferdinand Lassalle's. Braunschweig 1874, S.S. 17-18.).

Лассаль не замедлил отозваться на это приглашение. Уже в первых числах марта того же года появился его «Гласный ответ Центральному Комитету», а затем началась знаменитая агитационная кампания 1863-1864 годов, составившая эпоху в истории немецкого рабочего движения.

Но кто же был Лассаль? Имел ли он других предшественников, кроме Шульце-Делича? И что писал он в брошюре, обратившей на него внимание лейпцигских рабочих?

В следующих главах мы постараемся ответить на эти вопросы.

II.

В лице знаменитого агитатора немецкая буржуазия впервые столкнулась с современным социализмом на почве легальной политической деятельности. В настоящей главе мы посмотрим, поэтому, как возникло учение современного социализма и что оно представляло собою в описываемую эпоху. Иначе сказать, мы поставим прежде всего вопрос о социалистических предшественниках Лассаля.

Революционное движение в Германии первоначально носило чисто политический и в весьма значительной степени национально-шовинистический характер. Но, мало-по-малу, возникло и стало крепнуть другое направление. Спасаясь от правительственных преследований, немецкие революционеры бежали за границу, в Швейцарию, Англию и Францию. Там они знакомились с революционерами других стран, утрачивали свою национально-шовинистическую окраску, заводили тайные общества по примеру существовавших тогда во Франции, а некоторые из них проникались социалистическими учениями. Заговоры бежавших за границу студентов имели бы все шансы превратиться в детскую забаву и остаться без всякого влияния на ход немецкого общественного развития, если бы не встретилось одно счастливое обстоятельство. Известно, что ремесленные подмастерья обязаны были, по окончании ученья, посвящать некоторое время путешествиям. Во время таких странствований немецкие ремесленники во множестве и на многие годы попадали за границу, туда же, где искала убежища революционная молодежь. А так как немецкая революционная «интеллигенция» никогда не была настолько «самобытна», чтобы сомневаться в необходимости пропаганды среди рабочих, то она и поспешила сблизиться с этим бродячим, незаменимым для нее элементом. Ремесленники стали деятельными членами сначала радикальных, а затем и коммунистических обществ. Так началось первое социалистическое немецкое движение. Но чем более выходило оно из тумана революционных фраз и становилось действительным выражением интересов пролетариата, тем более принимало исключительно рабочий характер. «Интеллигенция» отходила назад, в ряды радикальной демократии, очень революционной в то время, проповедовавшей даже политические убийства, но фактически служившей выражением интересов передовой части мелкой буржуазии.

В 1836 г. немецкие коммунисты основали в Париже «Bund der Gerechten» (Союз Справедливых), который вошел в тесную связь с французской тайной организацией «Societe des Saisons», руководимой Бланки и Барбесом. Через два года появилось первое оригинальное произведение немецкого коммунизма, брошюра рабочего Вильгельма Вейтлинга «Die Menschheit wie sie ist und sein sollte», а еще несколько лет спустя многочисленные разветвления названного Союза существовали уже не только за границей, но и в самой Германии. Огромное большинство членов состояло из рабочих, но в числе вожаков было несколько представителей «интеллигенции», как, напр., Dr. Герман Эвербек и Карл Шаппер (В предисловии к новому изданию «Enthüllungen über den Kommunisten-Prozess zu Köln» Фр. Энгельс дает следующую характеристику Шаппера, которую русские читатели прочтут, вероятно, не без интереса. «Богатырь по внешнему виду, энергичный и решительный, всегда готовый пожертвовать для дела своим положением и своею жизнью, он был типом революционера по профессии, игравшего не малую роль в тридцатых годах. При известной тяжеловесности мышления он вовсе не был неспособен к теоретическому развитию, как это показывает его переход от «демагогии» к коммунизму... Его революционная страсть приходила иногда в противоречие с его рассудком, по впоследствии он всегда понимал свои ошибки и открыто в них сознавался. Это был цельный человек, и его заслуги по отношению к немецкому рабочему движению навсегда останутся незабвенными». Революционная карьера Шаппера началась еще в 1832 г. участием в тайном обществе Георга Бюхнера.). Впрочем, ошибочно было бы думать, что этим «интеллигентным»

вожакам принадлежало главное влияние в Союзе. Такие работники, как Вейтлинг или Иозеф Молль, не уступали в «интеллигентности» никакому доктору или студенту.

После парижского восстания 12-го мая 1839 г. многим членам «Союза Справедливых» пришлось оставить Францию и поселиться в Лондоне, куда был перенесен центр тяжести организации. Здесь это, сначала чисто немецкое, движение приняло международный характер. В Лондонском Рабочем Союзе Самообразования (Пользуясь свободой ассоциаций в Англии и отчасти в Швейцарии, немецкие коммунисты заводили рабочие общества самообразования, певческие, гимнастические и т. д., в которых они вербовали членов для своей тайной организации. К числу таких обществ принадлежал и Лондонский Рабочий Союз Самообразования (существующий до сих пор).), «кроме немцев и швейцарцев, были члены, принадлежавшие ко всем тем национальностям, для которых немецкий язык служил средством сношения с иностранцами. Именно, были шведы, норвежцы, голландцы, венгерцы, чехи, южные славяне, также русские и эльзасцы. В 1847 г. постоянным гостем Союза был даже один английский гвардейский гренадер. Скоро Союз принял название Коммунистического Рабочего Союза, и на его членских картах красовалась надпись - «Все люди - братья», по крайней мере на двадцати языках, хотя и не без грамматических ошибок... Тайный Союз также стал международным, сначала лишь в ограниченном смысле: практически, - в силу различия национальностей его членов, теоретически, - в силу того сознания, что революция может победить, лишь сделавшись общеевропейской. Дальше этого не шли, но основание было, во всяком случае, заложено» (Фр. Энгельс в предисловии к «Enthüllungen», стр. 6.).

В теоретическом отношении тогдашний немецкий коммунизм не отличался большою основательностью. Вильгельм Вейтлинг был главным теоретиком движения этого периода. Хотя в его учении есть, по замечанию Энгельса, много гениальных частных идей, но, в общем, оно все-таки чуждо всякого серьезного научного обоснования. Достаточно сказать, что он старался поставить свое учение в связь с первобытным христианством. «Религия должна быть разрушена, - восклицает он, - так говорили Вольтер и другие. Но Ламеннэ и ранее его Карльштадт, Томас Мюнцер и другие показали, что все демократические идеи вытекают из христианства. Поэтому религия не должна быть разрушена, но ею нужно воспользоваться для освобождения человечества. Христианство есть религия свободы, Христос есть пророк свободы и любви» и т. д. (Das Evangelium der armen Sünder, стр. 18-14 Нью-Йоркского Издания 1854.). Самый способ изложения носит у него какой-то мистический характер. Так, другое сочинение его начинается выпиской из евангелия: «И когда увидел Христос народ, то опечалился и сказал ученикам своим: жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». «Жатва - это созревающее для совершенства человечество, и общность имуществ на земле есть его плод, - поясняет далее сам Вейтлинг. - Заповедь любви приглашает вас к жатве, а жатва - к наслаждению. Если вы хотите жать и наслаждаться, то исполняете этим заповедь любви» (Die Menschheit wie sie ist und sein sollte, стр. 7 Нью-Йоркского издания 1854.).

Как и все утописты, Вейтлинг исходит из анализа страстей и потребностей человека. На основании результатов этого анализа осуждается современное общество и строится план будущего общественного устройства, который разрабатывается, конечно, до мельчайших подробностей («Десять крестьян образуют «Zug» и выбирают «Zugführer'a»; десять Zugführer'ов выбирают Ackermann'a; сто Ackermann'ов выбирают Landwirth-schaftsrath'a, а он выбирает...») и т. д. Так описывает Вейтлинг организацию земледелия в коммунистическом обществе. Die Menschheit, S. 32.). Впрочем, Вейтлинг относился к своему плану уже более критически, чем относился, например, Фурье к своим фаланстерам. «Все написанные до сих пор планы общественной реформы служат доказательством ее возможности и необходимости, - замечает он. - И чем больше будет таких работ, тем больше будет у народа доказательств в ее пользу. Но лучший план мы все-таки должны будем написать своею кровью»

В этих словах звучит твердое сознание необходимости борьбы с высшими классами, которое выгодно отличает Вейтлинга от многих других утопистов. Он обращается уже не ко всему человечеству, без различия классов и состояний, и не ждет, как Фурье, появления миллионера, который поможет ему осуществить его планы. Он сознает необходимость классовой борьбы и вербует своих последователей в рабочем классе, между «людьми труда и заботы». Правда, что в рабочем классе он видел только «людей труда и заботы» и не понимал исторического значения

такого класса, как пролетариат; правда также, что средств осуществления коммунистической программы он искал не в историческом развитии общества, а в шаблонном заговоре с целью «захвата власти».

Во избежание недоразумений спешим заметить, что далеко не все немецкие коммунисты того времени разделяли мистические воззрения Вейтлинга. Но это немного поправляло дело в теоретическом отношении. Главной основой учения все-таки оставались те или другие нравственные соображения. «Общность имуществ требовалась, как необходимое следствие равенства», - говорит Энгельс... - «Я не думаю, - замечает он в другом месте, - чтобы кто-нибудь из тогдашних членов Союза прочитал хоть одну книгу по экономии. Да в этом не видели и надобности, так как равенство, братство, справедливость помогали перевалить через какую угодно теоретическую гору»

Немецкие коммунисты стояли не выше французских последователей Бабефа (В интересах справедливости заметим, что и противники коммунистов не стояли на более твердой почве. Если одни, вслед за Вабефом, доказывали, что равенство есть закон природы, а коммунизм необходимое следствие равенства, то радикальные демократы, как, напр., К. Гейнцен, с таким же жаром утверждали, что каждый человек от природы «имеет право на частную собственность».).

Наконец, в сороковых годах возник в Германии новый вид коммунизма, учение которого основывалось частью на «любви», а частью «а очень отвлеченных и очень неудачных философских соображениях. Этот новый «философский» или «истинный» коммунизм окончательно разрывал с действительностью и утрачивал всякое серьезное, революционное значение. Образованные противники коммунизма, вроде Арнольда Руге, без труда торжествовали над этим неуклюжим детищем «немецкой «интеллигенции» (См., напр., направленную против М. Гесса статью Руге «Der deutsche Kommunismus» в сборнике «Opposition» К. Heinsen'a, Mannheim 1840.).

Но в сороковых же годах, рядом с наивным коммунизмом заговорщиков и туманным коммунизмом немецких литераторов, появилось учение, которое поставило, наконец, социализм на твердую научную почву. Вот что рассказывает об его происхождении один из его основателей, Ф. Энгельс: «Живя в Манчестере, я на опыте увидел, что экономические отношения, - которым историческая наука до сих пор совсем отказывала во всяком значении или отводила самую ничтожную роль, - что эти отношения, по крайней мере в современном обществе, представляют собою главную историческую силу. Я убедился, что они лежат в основании современного классового антагонизма; что в тех странах, где, как в Англии, развитие крупной промышленности довело этот антагонизм до большой степени развития, он, в свою очередь, обуславливает образование политических партий, их борьбу, а вместе с тем и всю политическую историю. Маркс не только пришел к тем же взглядам, но уже в «Deutsch-französischen Jahrbüchern» (1844 г.) он расширил их в том смысле, что «вообще не государство обуславливает собою гражданское общество, а, наоборот, гражданское общество» государство, и что, следовательно, объяснения политических отношений и их истории нужно искать в экономическом строе и его развитии. Когда я посетил Маркса летом 1844 г. в Париже, между нами установилось полнейшее согласие по всем теоретическим вопросам и с этих пор начинается наша общая работа. Когда весной 1845 г. мы снова встретились в Брюсселе, Маркс в главных чертах уже выработал из вышеприведенных положений свою материалистическую философию истории, и мы взялись за частную разработку нашего нового мирозерцания в самых различных направлениях. Но это открытие, сделавшее переворот в исторической науке, принадлежащее, главным образом, Марксу, и в котором я могу приписать себе лишь небольшую долю участия, имело непосредственную важность для оценки тогдашнего рабочего движения. Немецкий и французский коммунизм, равно как и английский чартизм, не казались теперь случайными явлениями. Эти движения представлялись теперь движением угнетенного класса современного общества, пролетариата, более или менее развитой формой его исторически-необходимой борьбы против господствующего класса - буржуазии. Этот новый вид классовой борьбы, сравнительно с борьбой предшествовавших периодов, имеет одну особенность современный угнетенный класс, пролетариат, не может добиться своего освобождения, не освобождая одновременно всего общества от разделения на классы, а, следовательно, и от классовой борьбы. Коммунизм также получил совершенно новый характер. Его задача заключалась теперь не в фантастическом построении возможно более совершенного

общественного идеала, а в изучении природы, условий и вытекающих из них общих целей предпринятой пролетариатом борьбы» (Engels, *ibid.*, S.S. 7-8.).

С этой новой точки зрения старая тактика немецких и французских коммунистов уже не выдерживала критики. Если борьба пролетариата переставала быть явлением случайным, вызванным доброй волей отдельных лиц, то и надежда на ее успех не могла быть приурочена к случайности составленного этими лицами заговора. Коммунистическая революция являлась делом не тайного общества, а целого класса, освобождение которого зависело уже не от ловкости заговорщиков, а от неизбежного и неотвратимого хода развития экономических отношений. Поэтому коммунисты переставали быть заговорщиками и становились организаторами и руководителями пролетариата. В тех странах, где буржуазия уже добилась полного господства, ближайшей целью борьбы являлось свержение этого господства и завоевание пролетариатом политической власти. Там же, где, как в Германии, буржуазия только готовилась еще стать господствующим классом, коммунисты должны были идти рядом с нею, «поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии, феодальной поземельной собственности и мелкого мещанства».

Но это не значило, что коммунисты могли, до поры до времени, удовлетворяться либеральной программой. Напротив, они должны были стараться организовать пролетариат в «оппозиционную партию будущего» и «ни на минуту не переставать вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Словом, основатели нового коммунистического учения хотели, «чтобы общественные и политические условия, которые принесет с собою господство буржуазии, могли послужить немецким рабочим оружием против той же буржуазии, чтобы борьба против нее началась тотчас же после падения реакционных классов в Германии» (См. наш перевод «Манифеста Коммунистической партии», Женева. 1882, главу IV, стр. 39-40.).

Нужно ли говорить, что это учение далеко не сразу было понято и оценено по достоинству тогдашними коммунистами? Различие взглядов было слишком велико; оно касалось не только практических задач и приемов действий, но также самых коренных основ всего мирозерцания. Маркс и Энгельс мало смущались, однако, этим обстоятельством. Они знали, что будущее принадлежит их учению, и деятельно занимались его пропагандой. Личные беседы, переписка, собрания, литографированные циркуляры, мелкие журнальные статьи, брошюры и книги знакомили немецких коммунистов с общими основаниями учения и с отдельными его частностями. А так как старая, заговорщицкая «программа» была уже порядком дискредитирована, то новой теории предстоял, можно сказать, неожиданно скорый успех. Весною 1847 года лица, стоявшие во главе «Союза Справедливых», убедили Маркса и Энгельса вступить в организацию, чтобы перестроить ее на новых началах. План этот и был приведен в исполнение на двух конгрессах, состоявшихся летом и осенью того же года. На втором конгрессе присутствовал Маркс «и в длинных дебатах - конгресс продолжался десять дней - отстаивал новую теорию. Наконец, все разногласия и сомнения были устранены, новое учение единогласно принято», и его основателям поручено было написать знаменитый впоследствии «Манифест Коммунистической партии». «Место старого девиза Союза: «все люди братья» занял новый боевой клич: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», - выразивший международный характер борьбы. Семнадцать лет спустя этот новый клич обошел весь мир с Международным Товариществом Рабочих, и ныне пролетариат всех стран пишет его на своем знамени» (Engels, *ibid.*, S. H).

После мартовских дней 1848 года члены Коммунистического Союза поспешили переехать в Германию, чтобы принять участие в тамошних революционных событиях. И хотя Союз, как организация, совершенно потонул в начавшемся теперь массовом движении, но пройденная коммунистами школа принесла свои плоды. «На Рейне, где (орган Маркса) «*Rheinische Zeitung*» служила пунктом объединения; в Нассау, в Рейнском Гессене, члены Союза повсюду стояли во главе крайнего демократического движения. То же было в Гамбурге... В Южной Германии влиянию их помешало господство мелкобуржуазных демократов. В Бреславле до лета 1848 г. действовал с большим успехом Вильгельм Вольф... В Берлине наборщик Стефан Борн, бывший в Париже и Брюсселе деятельным членом Союза, основал рабочее общество «*Arbeiter-Verbindung*», которое получило значительное распространение и существовало до 1850 г. **). Наконец, невозможно игнорировать индивидуальную деятельность всех тех рабочих, которых коснулась

коммунистическая пропаганда тридцатых и сороковых годов. Такие рабочие были рассеяны по всей Германии, и они, конечно, не мало способствовали пробуждению классового сознания в умах немецких пролетариев.

Это то самое общество, о роли которого во время контрреволюции мы говорили в предыдущей главе. Нужно, впрочем, заметить, что Борн все-таки не сумел придать его стремлением вполне определенного характера в политическом и экономическом отношениях. В них часто и сильно сказывался дух мелкой буржуазии. Потому-то мы и сказали, что это рабочее общество было далеко не самым революционным из существовавших тогда в Германии.

Победа реакции снова заставила коммунистов искать убежища за границей и заводить там тайные общества для пропаганды на родине. Но теперь-то и оказалось, что новая точка зрения не была твердо усвоена даже многими из тех, которые признавали «Коммунистический Манифест» программой своей партии. Значительная часть членов заново организованного «Союза Коммунистов» стала обнаруживать стремление выступить на старый путь заговоров и вспышек. «Между тем как мы говорим рабочим вы должны пережить еще 5-10-20 лет гражданской войны и народных движений, и притом не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но также и для того, чтобы перевоспитать самих себя, стать способными к господству, - сказал Маркс на заседании Лондонского Центрального Кружка Союза, 15-го сентября 1850 года, - меньшинство (сторонники немедленного захвата власти) говорит наоборот: мы должны теперь же добиться господства, или нам не остается ничего делать (Если уже не все коммунисты понимали взгляды Маркса, то тем менее можно было ожидать разумного отношения к ним со стороны радикальной демократии. Так, напр., известный революционер и республиканец Карл Гейнцен писал, что не экономия, а «насилие служит исходным пунктом исторического развития» Германии и что коммунисты, которые «понимают политику лишь в том случае, когда она попадает на фабрику или выходит из нее», закрывают глаза на безобразия немецкого абсолютизма, «Там, где нет буржуазии, революция ненужна и невозможна, - повествует Гейнцен, будто бы излагая взгляды коммунистов, - буржуазия должна сначала добиться господства и посредством его сфабриковать фабричный пролетариат, который начнет революционное движение, чтобы господствовать в свою очередь. В Германии нельзя ожидать революции; пролетариат, созданный, создаваемый и ежедневно умножаемый 34 кровопийцами и их пособниками, не может идти в расчет. Он не имеет ни права на революционное движение, ни повода к нему, потому что не носит фабричного штампа; он должен терпеливо голодать и умирать, пока Германия не станет Англией. Фабрика есть школа, пройти которую необходимо для того, чтобы делать революции и улучшать социальные отношения». Die Helden des deutschen Kommunismus, Dem Herrn Karl Marx gewidmet von K. Heinsen., Bern 1848.). При таком существенном разногласии совместная работа была невозможна. «Союз» распался на две фракции, которые, при тогдашних обстоятельствах, скоро должны были совсем сойти со сцены. Но дальнейшая судьба этих фракций была неодинакова: одну (фракцию заговорщиков) ждал «вечный покой», другую - блестящее возрождение в шестидесятых годах, когда во всех цивилизованных странах опять началось рабочее движение.

Глубокомыслие этого «красного» республиканца (Гейнцен требовал национализации земли и других «социальных реформ») пробуждает в нас приятное воспоминание. Оно напоминает возражения некоторых из наших революционных стародумов против программы русских социал-демократов.

Мы видим теперь, что у Лассалья были очень деятельные и очень разумные предшественники. Занесенное ими в умы рабочих «сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата» продолжало жить, несмотря на все строгости реакции и на всю софистику либеральной буржуазии. Когда Шульде-Делич был в апогее своей славы, в рабочей среде «с различных сторон высказывались, как мы знаем, очень серьезные сомнения» в том, что предлагаемые им товарищества «могут помочь ничего не имеющей рабочей массе». А когда Лассаль издал свою брошюру «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия», лейпцигские работники встретили ее с «величайшим сочувствием» и по их же настоянию написан был «Гласный ответ», после которого отступление было уже невозможно. Пропаганда коммунистов значительно облегчила дело Лассалья в практическом отношении.

Еще более оно было облегчено в смысле теоретическом. Главный труд Маркса «Капитал» лежал еще в рукописи, но такие произведения, как «Die Lage der arbeitenden Klasse in England» Энгельса (1845), «Нищета философии», «Речь о свободе торговли» (1847), «Наемный труд и капитал» (1849), «Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte» Маркса (1852), «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса и, наконец, классическое сочинение Маркса «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (1859) - заключали в себе, в сущности, все основные положения научного социализма.

Положения эти давали толковому социалистическому агитатору шестидесятых годов, в его борьбе с буржуазными противниками, такой удобный операционный базис, что, опираясь на него, он мог заранее считать себя непобедимым. Но, конечно, от размеров его собственных сил и дарований зависели число и важность тех поражений, которые он сам мог нанести неприятелю.

Посмотрим же, какими силами обладал наш агитатор.

III.

Фердинанд Лассаль родился 11-го апреля 1825 года в Бреславле, где отец его, богатый еврей, был оптовым торговцем. Уже в детстве он отличался блестящими способностями, но родители непременно желали, чтобы единственный сын их посвятил себя торговой деятельности. На шестнадцатом году его отдали в лейпцигскую коммерческую школу. Директор школы скоро убедился, однако, что из Фердинанда «никогда не выйдет дельного торговца». И действительно, его неудержимо влекло на другую, более широкую и более блестящую дорогу. Его горячая, богато одаренная натура не могла удовлетвориться прозой торговой конторы. Он с жадностью читал немецких классиков, увлекался Гейне и сам мечтал сделаться поэтом. Между тем обязательные занятия шли плохо, с учителями происходили частые столкновения, и, наконец, Лассаль твердо решил оставить школу. Родителям пришлось уступить, и таким образом будущий агитатор снова вернулся в Бреславль, чтобы подготовиться к вступительному университетскому экзамену.

Прекрасно сдавши этот экзамен, Лассаль записался на философский факультет бреславльского университета, откуда он перевелся, впоследствии, в берлинский. Главными предметами его тогдашних занятий были - классическая филология и философия. Эти юношеские занятия имели огромное влияние на все направление его дальнейшей самостоятельной ученой деятельности. Еще девятнадцатилетним студентом он закончил, в главных чертах, то исследование о философии Гераклита Темного, которое доставило ему впоследствии громкую известность в ученом мире. Точно также уже в годы студенчества он основательно усвоил немецких философов, при чем главным расположением его пользовались Фихте и Гегель.

«В духовной организации Лассалья были черты, - говорит Брандес, - благодаря которым его сильно должна была привлекать гегелевская философия, безусловно господствовавшая во время его первой молодости, именно: его собственные диалектические способности и его стремление овладеть ключом, посредством которого он мог бы открыть себе путь к знанию и пониманию, составляющим силу. Что Лассаль особенно заинтересовался Гераклитом - это происходило, с одной стороны, от страстного желания взяться за решение такой трудной задачи, которая испугала бы всякого другого... (Гераклит еще в древности имел репутацию очень трудного писателя, отсюда его название - Темный.), а с другой стороны восторженный поклонник Гегеля должен был испытывать особенное удовольствие в изложении философа, который, казалось ему, был предшественником его учителя» (Georg Brandes, Ferdinand Lassall, S.S. 31-35.). Кроме того, нужно заметить еще следующее, упущенное Брандесом из виду, но очень важное обстоятельство. Горячий и талантливый студент, зачитывавшийся произведениями Гейне, очевидно, был проникнут теми революционными стремлениями, которые, как мы видели в предыдущих главах, охватывали учащуюся молодежь тогдашней Германии. Но этот студент имел слишком глубокую натуру для того, чтобы довольствоваться простым, голым отрицанием; он должен был искать в науке и в философии теоретического оправдания для своих революционных стремлений. Это оправдание давала философия Гегеля, переработанная и дополненная его учениками. Вот почему Лассаль сделался рьяным гегельянцем, подобно почти всем замечательным революционерам Германии (да и не одной Германии) сороковых годов. Пылкий демократ, Лассаль, конечно, уже в юношеские годы поставил себе ту великую цель, о которой он говорил впоследствии в своей речи «Наука и Работники» («В том-то и состоит величие этого века, - говорит он в названной речи, - что

ему суждено выполнить то, о чем в предшествующие века не могли и помыслить: привести науку к народу!..

«Союз науки и работников, этих двух крайних полюсов нынешнего общества, которые, когда сойдутся, раздавят в своих железных объятиях все культурные препятствия - вот цель, которой я решил посвятить свою жизнь до последнего вздоха!» Русский перевод сочинений Лассалья, С.-Петербург 1870, т. I, стр. 45.). Эта цель не сразу вылилась в определенные практические стремления, но она обуславливала собою ход » направление его занятий общественными вопросами.

Окончив университетский курс, Лассаль отправился в Париж, где продолжал работать над философией Гераклита Темного. Там же он познакомился, между прочим, с Гейне, этим Аристофаном XIX века, как справедливо называет его Брандес. Новейший Аристофан далеко не был, как известно, таким консерватором, как автор «Облаков». Он не только не осмеял молодого революционера в каком-либо сатирическом произведении, но всегда отзывался о нем с величайшим восторгом и удивлением. «Я ни в ком еще не встречал такого соединения страсти и ясности рассудка, - писал он самому Лассалю. - Вы имеете полное право, дерзать, между тем как другие лишь узурпируют это божественное право, эту небесную привилегию. В сравнении с Вами я оказываюсь лишь скромной мухой».

Тот же Гейне в письме к Фарнгагену фон Энзе дает следующую замечательную характеристику Лассалья:

«Мой молодой друг Лассаль обладает замечательнейшими дарованиями: с основательнейшею ученостью, с обширнейшими знаниями, с величайшей проницательностью, какую мне когда-либо приходилось встречать, с богатейшею способностью изложения он соединяет удивительную энергию и практическую ловкость... Это соединение знания и способности к действию, таланта и характера было для меня отрадным явлением. Господин Лассаль есть достойный сын нового времени, не желающего и слышать о том самоотречении и той скромности, которыми мы, с большею или меньшею искренностью, так пленялись и о которых мы так много болтали в свое время. Это новое поколение хочет завоевать себе значение и пользоваться видимым; мы, старики, покорно склонялись перед невидимым, стремились обнять призраки и насладиться благоуханием цветов фантазии, смирялись и хныкали, и все-таки были, пожалуй, счастливее этих суровых гладиаторов, которые так гордо идут в бой, навстречу смерти».

Но не один Гейне восхищался Лассалем. Бок и Александр Гумбольдт пророчили этому чудо-юноше (Wunder-Kind) самую блестящую будущность.

Зимой 1844-1845 г.г. Лассаль вернулся в Берлин с намерением занять кафедру доцента в тамошнем университете. Но здесь его ожидала встреча, оказавшая решительное влияние на весь дальнейший ход его жизни и подавшая повод к нескончаемым клеветам и нареканиям. Мы говорим об его встрече с графиней Гацфельд (Дюринг в своей «Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Sozialismus» так говорит об этой встрече: «Ближайшей жизненной задачей, которую задал себе двадцатилетний юноша, было пристроиться к одной эмансипированной графине и ее процессу против мужа, при чем он однако, как теперь известно, не забыл деловых соображений и контрактом выговорил себе хороший куш в случае счастливого исхода процесса», стр. 497.).

Почти ни один биограф Лассалья не отказывал себе в удовольствии основательно обсудить вопрос о том, любил или не любил его герой графиню Гацфельд. Ааберг, ничего не говоря прямо, многозначительно рисует красоту графини, глаза которой «сверкали блеском еще неугасшей страсти» (Ferdinand Lassalle, Biographie, Leipzig 1881, стр. 11. Эрнст фон Пленер, ни мало не стесняясь, решает этот вопрос в утвердительном смысле, несмотря на все доводы в пользу противоположного мнения. Впрочем, его уверенность основана на одном только «Doch» и на том, что графиня была «красива» (См. Allgemeine Deutsche Biographic, B. 17).). С своей стороны, мы не видим повода не верить тому, что говорит о своих отношениях к Гацфельд сам Лассаль в письме к любимой девушке (С. Солнцевой, опубликовавшей свои воспоминания в «Вестнике Европы» за ноябрь 1877 г. Впоследствии эти воспоминания были переведены на немецкий и французский языки). Мы думаем, что он был слишком горд для того, чтобы унижаться до лжи в любовной

«исповеди». Поэтому мы расскажем «дело Гацфельд» на основании собственных показаний Лассалья.

«В январе 1846 г., - говорит он, - я познакомился в Берлине с графиней Гацфельд... Насколько велико благородство ее души, насколько глубок ее ум, настолько же велико несчастье ее судьбы. Муж ее, он же и двоюродный брат, граф Эдмонд Гацфельд, ненавидел ее, мучил и преследовал ее такими недостойными способами, каких нельзя найти даже в самых неправдоподобных романах... Он заключал ее в своих горных замках, отказывая ей в докторях и лекарствах во время ее болезней, вырывал у нее из рук, тайными похищениями, ее детей. Вся жизнь этой отважной женщины была лишь борьбой за детей, которых она постоянно возвращала себе и снова теряла. Она имела очень могущественные родственные связи... Ее братья занимали самые высокие положения в обществе. Они горячо порицали графа. Часто... они делали усилия, чтобы принудить графа дать слово переменить свое поведение... Граф всякий раз уступал, устраивал кажущиеся примирения, подписывал все, чего от него требовали, и через три дня после того он снова начинал свои злодеяния, потому что добровольные сделки между супругами ничего не значат по нашим законам... Оставалось одно лишь средство спасения: прибегнуть к обыкновенному суду. Это средство имелось давно в виду. Много лет уже графиня умоляла на коленях своих родственников обратиться за помощью к суду. Но этого-то родственники и не желали ни в каком случае, потому что избыток подлостей графа делал оглашение подобного процесса, по мнению родственников, невозможным.

«Можете ли вы, Софи, составить себе верное понятие о том впечатлении, которое произвела эта история на меня, горячего революционера, когда я выслушал ее, когда графиня дала мне неопровержимые доказательства фактов - в переписке с родными и в других бумагах!» «Я видел перед собою в лице одной индивидуальной жизни олицетворение всех неправд давно прошедшего жизненного строя; олицетворение всех злоупотреблений власти, силы и богатства, направленных против слабого; все нарушения наших общественных прав».

«И я сказал самому себе: да не будет сказано, что ты, зная все это, спокойно допустил задушить эту женщину, не придя ей на помощь! Если бы ты поступил так, то какое имел бы ты право упрекать других в подлости и эгоизме?»

«Я сказал графине, которая не знала более, что ей делать...: вы хорошо знаете, что, начав процесс, вы будете покинуты вашей родней, которая обратится против вас, как вам это всегда говорили; но вы также хорошо знаете, что с их стороны вам нечего ожидать, кроме пустых слов. Если вы твердо решитесь победить или умереть, я возьму ваше дело в эти молодые, но сильные руки, - и клянусь вам бороться за вас до смерти».

В этих словах виден весь Лассаль, со всеми его крупными достоинствами и маленькими недостатками. Благородный и отзывчивый, он всегда готов был ополчиться на защиту правого дела. Но самоотверженность не исключала у него некоторой доли тщеславия, и, совершая самый благородный поступок, он не упускал случая наградить себя комплиментом.

Само собою понятно, что графиня с радостью приняла неожиданную помощь, и тогда Лассаль начал свой знаменитый процесс против ее мужа.

Процесс этот тянулся целых девять лет; он послужил первым испытанием громадной энергии Лассалья. Ему пришлось совершенно оставить свои научные занятия, кроме, впрочем, юриспруденции, изучения которой требовали интересы самого процесса. «Я не изучал до того времени права, - говорит он, - но зато теперь стал изучать его с бешенством. Продолжая вести процессы, я превращался в юриста; в несколько месяцев я сравнялся с адвокатами, а в два года, могу сказать, я превзошел их всех.

«В то же время я обратился к демократической прессе. Вся она отозвалась на мой голос. Я уничтожил графа в общественном мнении. Это была ежедневная борьба, и борьба на смерть».

Но граф также не бездействовал. Его богатство и связи делали его страшным противником, а необдуманное поведение друзей Лассалья скоро привело этого последнего на скамью подсудимых.

Дело было так. Лассалю необходимо было «разыскать и подготовить юридические доказательства расточительной и развратной жизни графа, чтобы возбудить против него процесс о

наложении запрещения за его расточительность и процесс о разводе». Между тем именно в то время граф Гацфельд сошелся с баронессой Мейендорф и, как оказалось по наведенным справкам, решил сделать ей дар, который лишил бы всяких средств младшего сына его, Поля, состояние которого не было упрочено правами семейного майората. Лучшего доказательства расточительности нельзя было и придумать. Но как воспользоваться им, не имея в руках относящихся сюда юридических документов? Другу Лассалья, Оппенгейму, пришла мысль похитить этот документ у баронессы. Он приводит в исполнение эту «дикую мысль», но попадает в руки полиции; против него поднимают обвинение в краже, а Лассалья стараются выставить главным зачинщиком всего этого предприятия. 11 августа 1848 года он является на скамье подсудимых перед кельнскими присяжными. «Я встретил более четырнадцати лжесвидетелей, купленных графом против меня, - говорит он в той же «исповеди». - ...В семидневных дебатах я изобличил постыдных лжесвидетелей, я смутил и уничтожил окончательно клевету неопровержимыми доказательствами, я раскрыл историю этого супружества в последний день, в шестичасовой речи. Отбросив в сторону обвинение, направленное против меня, я заговорил о вражде между графом и графиней, отождествляя себя с их делом, и разбил окончательно графа и его сообщников».

Теперь уже всеми признано, что возбужденное против Лассалья: судебное преследование было, в сущности, тенденциозным преследованием. Обвиняя «подстрекателя к воровству», прокурорский надзор хотел покарать демократа. В свою очередь, Лассаль, клеймя супруга Гацфельд, клеймил всю аристократию. Рассказав в своей речи, как равнодушно относились родные к безвыходному положению графини, он восклицает: «Я сказал себе, что хотя насилия совершаются во всех слоях и классах общества, но что если бы эта женщина имела счастье принадлежать к буржуазному, ремесленному, крестьянскому кругу, давным-давно нашелся бы брат, родственник, друг, который положил бы предел этим безобразиям и протянул бы руку помощи беззащитной женщине. Я сказал себе, что этот поток возмутительнейших несправедливостей мог, в течение двадцати лет, беспрепятственно изливаться лишь в тех высших, гордых своим происхождением, общественных сферах, в которых, за весьма немногими исключениями, сердце холодеет под льдом титула, чувство умирает от привычки к произволу, а призыв к неприкосновенным правам человека не находит никакого отклика!» (Vertheidigungsrede wider die Anklage der Verleitung zum Casseten Diebstahl, Breslau 1878, S. 29.).

Присяжные вынесли оправдательный приговор. Их решение вызвало целый поток радостных приветствий со стороны публики. Лассалья на руках вынесли из зала суда. Когда он приехал затем в Дюссельдорф, его «оглушили», как он выражается, сочувственные крики населения. Эта была первая овация, которую народ сделал своему будущему трибуну.

Оправданному Лассалю недолго, однако, пришлось оставаться на свободе.

В ноябре того же бурного 1848 г. прусское правительство предприняло, как известно, решительное наступление против Национального Собрания. Доведенное до крайности, Собрание вотировало отказ в податях (Steuerverweigerung), и правительству приходилось собирать их силой. Зная, что оно не остановится перед этим, революционеры пытались организовать народ для вооруженного сопротивления. В этом духе Маркс, Шаппер и Шнейдер обнародовали воззвание в Кельне, в этом же духе действовал Лассаль в Дюссельдорфе и его окрестностях. Отсюда возник ряд уголовных преследований против рейнских агитаторов. Лассаль был арестован 22-го ноября в Дюссельдорфе. Против него выставили обвинение в «возбуждении граждан к вооруженному сопротивлению королевской власти».

Предварительное заключение тянулось целых пять месяцев, так что только 3-го мая 1849 года Лассаль предстал перед дюссельдорфскими присяжными. В свою защиту он произнес речь, которая навсегда останется одним из самых замечательных памятников политического красноречия XIX века. Это бесспорно лучшая из его речей. Читая ее, трудно представить себе, что она произнесена 23-летним юношей. Как в речах Демосфена, неотразимая логическая убедительность соединяется в ней с самым увлекательным красноречием. Но это красноречие не имеет ничего общего с риторикой. Слова не служат искусственным и преувеличенным выражением чувств оратора. Напротив, у читателя (а тем более это можно было сказать о слушателях) остается таксе впечатление, будто оратор, несмотря на свое удивительное искусство,

все-таки не мог выразить всей глубины своей ненависти к реакции и любви к свободе. В умении произвести такое впечатление заключается, быть может, вся тайна неподдельного красноречия. В этом случае слушатель дополняет недосказанное собственным душевным движением, а это значит, что оратор действует не только на его слух, но и на чувство.

Изложивши непродолжительную историю прусского Национального Собрания до Ноябрьского *Coup d'état* включительно, обнаруживши все контрреволюционные козни правительства, заклеивши все лицемерие реакционной политики, Лассаль как будто сам не может оторвать глаз от нарисованной им, ненавистной картины. Дальше! Дальше! - восклицает он. - Вложим глубже наши персты в раны еще теплого трупа родины! Пусть вид их зажжет святую патриотическую ненависть в наших сердцах. Не позабудем ничего, никогда, ни на минуту! Может ли сын забыть того, кто опозорил его мать? Эти ужасные воспоминания представляют собою все, что осталось нам от былой свободы, наши единственные кровавые реликвии. Сохраним же бережно эти воспоминания, как прах замученных родителей, от которых единственным наследством остается нам клятва мести, произнесенная над их смертными останками!» Затем, рассмотревши поведение демократии и показавши всю законность его с точки зрения созданных революцией правовых отношений, он утверждает, что демократия обязана была поступать так, как она поступила. «Вооруженная защита закона, которому угрожает правительство, есть священнейшая обязанность, самое серьезное «испытание гражданина». Он требует оправдания, но требует его в интересах политического достоинства самих присяжных, голос которых, служит выражением общественной совести. Он знает, что ему ни в каком случае не уйти из рук мстительной реакции. «Как панцырь воина усеян неприятельскими стрелами, так и я осажден уголовными преследованиями», - говорит молодой боец с гордым сознанием своей силы и своего значения. Действительно, в то самое время, когда дело его разбиралось перед присяжными, прокуратура ухитрилась, по тому же поводу, возбудить против него новое обвинение, на этот раз перед исправительной полицией (*Correctionstribunal*). Правительство понимало, что присяжные были на стороне защитников конституции. Двойная атака давала ему вдвое более шансов успеха.

И в самом деле, присяжные опять вынесли Лассалю оправдательный приговор. Они не решились обвинить подсудимого, хотя он прямо заявил им, что «принадлежит к числу самых решительных сторонников») социал-демократической республики». Несколько лет спустя положение дел значительно изменилось к худшему, и кельнские присяжные обнаружили совсем другое настроение в известном процессе коммунистов фракции Маркса и Энгельса.

Но и на этот раз исправительная полиция сделала то, чего не захотели сделать присяжные. Лассаль был приговорен к шестимесячному тюремному заключению. Он отсидел этот срок зимою 1850 г.

Между тем, дело против графа Гацфельда шло своим чередом. Лассаль вел его даже в то время, когда сидел в тюрьме. Наконец, «после долгих лет, после несказанных страданий», в августе 1854 года он» окончилось мирным соглашением сторон.

«Наконец я сломил этого знатного вельможу, - говорит неутомимый защитник графини. - Наконец я держал его под ногами! Я продиктовал ему мир на условиях, не только вполне унижительных для него, но и вполне его бесчестящих. Наконец я освободил эту женщину от его власти и принудил его передать ей очень большую часть своего состояния».

Теперь в жизни Лассалья наступило затишье, продолжавшееся вплоть до начала следующего десятилетия. Он работал, наслаждался жизнью, пережил не одно любовное приключение, много путешествовал, но не переставал зорко присматриваться ко всем проявлениям общественной жизни дома и за границей. В 1858 г. вышло его первое ученое сочинение, над которым он работал еще будучи студентом: «*Die Philosophie Heracleitos des Dunkeln von Ephesos. Nach einer neuen Sammlung seiner Bruchstücke und der Zeugnisse der Alten dargestellt*».

Оно сразу доставило автору славу в ученом мире и до сих пор считается важнейшим пособием при изучении «темного» эфесского мыслителя. За «Гераклитом» последовал «Франц фон Зикинген», за монографией по греческой философии - историческая драма из времен реформации. Лассаль давно уже и с особенным удовольствием посвящал часть своего времени изучению истории этой эпохи. «Казалось бы, проще и уместнее было изложить в ученом труде те выводы, к

которым я пришел, - говорит он в предисловии к своей драме. - Для меня это наверное было бы легче. Но я хотел написать не такое сочинение, которое проникло бы лишь в книжные шкафы ученых. Я был слишком воодушевлен своим материалом. Моим намерением было сделать внутренним достоянием народа этот, им почти совершенно забытый, известный лишь ученым, великий культурно-исторический процесс, результатами которого живет вся наша современная действительность. Я хотел, чтобы этот культурно-исторический процесс, по возможности, ожил в сознании народа и заставил сильнее биться его сердце. Такая цель может быть достигнута только поэзией, и потому я решился написать драму».

Иначе сказать, мирная, спокойная жизнь, которую пришлось вести Лассалю по окончании дела Гацфельд, становилась для него невыносимой. Рожденный агитатором, он не мог надолго запереться в своем ученом кабинете, и, не имея возможности действовать на народ с политической трибуны, он решился обратиться к нему со сцены. В письме к Фрейлиграту он наивно говорит, что его драма, «в гораздо большей степени, представляет собою продукт революционного стремления к действию, чем поэтического дарования». Так как одно не может заменить другого, то неудивительно, что его произведение страдало отсутствием художественных достоинств. Несмотря на это, драма читается с величайшим интересом, потому что в ней мы часто встречаемся с самим автором. При всем желании предоставить слово самим действующим лицам, он нередко забирается в суфлерскую будку и подсказывает им оттуда свои собственные мысли и стремления; нередко также он совсем теряет самообладание, выскакивает на сцену, раздражается красноречивыми тирадами и высказывает взгляды, которые мы находим потом в его агитационных или полемических сочинениях. Брандес совершенно справедливо замечает, что «Франц фон Зикинген» представляет собою «богатейший рудник» для изучения психологии Лассаля.

В сущности, главным героем драмы является знаменитый гуманист Ульрих фон Гуттен, «лучший человек Германии», с огромным талантом и обширным образованием соединяющий рыцарскую отвагу и стремление «связать науку с жизнью». Он решительный сторонник революционного способа действия, и когда капеллан Зикингена, Эколампудиус, развивает перед ним теорию, известную у нас теперь под именем теории «непротivления злу насилеи», он отвечает красноречивой апологией «меча».

«Напрасно вы так плохо думаете о мече, - восклицает он, - меч, обнаженный в защиту свободы, есть именно то воплощенное слово, тот сошедший на землю бог, о котором вы говорите в своих проповедях. Мечом распространялось христианство, мечом крестил Германию Карл, поныне называемый нами Великим. Мечом низвергнуто язычество, мечом освобожден гроб Спасителя! Мечом изгнан из Рима Тарквиний, мечом удален из Эллады Ксеркс, спасены наука и искусство. Мечом сражались Давид, Самсон и Геден. Мечом было совершено все великое в истории, и, в конце концов, ему же будет она обязана всеми великими событиями, которые когда-либо в ней совершатся!» (III Akt, 3 Auftritt). Лассаль подсказывает своим героям очень широкие освободительные планы. И нельзя сказать, чтобы, по крайней мере по отношению к Гуттену, он отступил от исторической истины. Но средством исполнения этих планов в драме, как и в истории, служит заранее осужденное на неудачу движение мелкого немецкого дворянства против крупных феодалов. Несоответствие между средством и целью скоро дает себя чувствовать. Франц фон Зикинген вынужден перейти от наступления к обороне. Осажденный в одном из своих замков, он сознает, наконец, свою ошибку и решается обратиться «ко всей нации». С своей стороны, Гуттен входит в сношения с крестьянскими заговорщиками и спешит к Зикингену с известием о том, что сто тысяч крестьян готовы восстать по первому его слову. Но уже поздно. Смертельно раненый в напрасной попытке пробиться сквозь неприятельские ряды, Франц умирает, а его друг отправляется в изгнание, завещая свою месть «будущим столетиям».

Ниже мы увидим, что и сам Лассаль не всегда умел, или, лучше сказать, не всегда имел достаточно терпения, чтобы установить надлежащее соответствие между своими целями и своими средствами.

Но не будем забегать вперед, а чтобы покончить с «Зикингеном», приведем из его предисловия еще несколько строк, в которых автор высказывает очень интересный взгляд на драму.

«Прогресс драматической поэзии со времени Шекспира состоит в том, что немцы, именно Гете и в особенности Шиллер, создали собственно историческую драму. Отсюда уже вытекает все остальное, в особенности большая глубина мысли шиллеровской драмы. Но даже у Шиллера великие исторические столкновения являются лишь общей почвой, на которой совершается трагическое действие. Таково столкновение протестантизма с католицизмом в Валленштейне, Марии Стюарт, Дон Карлосе. Душою драматического действия, разыгрывающегося на этой исторической почве, являются, как это уже и было замечено другими, индивидуальные интересы, личное честолюбие, фамильные и династические цели. Даже в лучшем произведении Шиллера, Телле, которое более всего соответствует понятию исторической драмы, заметен тот же недостаток. Освободивший страну поступок вызван не стремлением грюнлианских заговорщиков к национальному освобождению, а законной самообороной героя, священнейшие семейные чувства которого подверглись поруганию. Я же с давних пор считаю высочайшей задачей исторической, а вместе с нею и всякой другой трагедии изображение великих культурно-исторических процессов различных времен и народов, в особенности же своего времени и своего народа. Она должна сделать своим содержанием, своей душою великие культурные мысли и борьбу подобных поворотных эпох. В такой драме речь шла бы уже не об отдельных личностях, являющихся лишь носителями и воплощением этих глубочайших, враждебных между собою противоположностей общественного духа, но именно о важнейших судьбах нации, - судьбах, сделавшихся вопросом жизни для действующих лиц драмы, которые борются за них со всею разрушительною страстью, порождаемой великими историческими целями»

Лассаль сознает, что при известных обстоятельствах подобной драме грозит опасность выродиться в абстрактную, ученую поэзию. «Но я убежден, - замечает он, - что этой опасности можно избежать и что, с другой стороны, перед величием подобных всемирно-исторических целей и порождаемых ими страстей - бледнеет всякое возможное содержание трагедии индивидуальной судьбы».

Наши критики не раз задавались вопросом об упадке русской беллетристики. Чаще всего они объясняли его отсутствием свободы печати. Но нет ли еще других и более глубоких причин? Не падает ли наша беллетристика потому, что г.г. беллетристы слишком далеки от понимания «великих противоположностей» современной русской жизни? Когда эти противоположности достигают известной степени интенсивности, в борьбу их вмешиваются все живые силы народа, а все остающееся в стороне - мельчает и падает.

Спустя не более года после выхода в свет «Франца фон Зикингена» политические события снова показали, какую важную роль играет «меч» в истории развития народов. Началась итальянская война. Так как Наполеон III выступил на защиту Пиемонта против Австрии, то часть прусской демократической прессы, из ненависти к герою 2 декабря и во имя немецкого национального чувства, высказалась за войну Пруссии против Франции. Лассаль написал брошюру «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens», в которой высказал иной взгляд на этот вопрос. По его мнению, помогать Австрии значило бы поддерживать реакцию. При том же помогать ей нельзя было бы иначе, как путем угнетения Италии, путем борьбы против ее стремлений к единству и независимости. Демократия не может сочувствовать такой борьбе. «Демократический принцип основан на принципе свободных национальностей. Без него он лишается всякой опоры. Национальный же принцип вытекает из права народного духа на свое собственное историческое развитие и самоосуществление» (Лассаль признает только одно ограничение этого общего правила; именно оно не применимо к тем народам, «которые не могли собственными силами дойти до исторического существования», или к тем, которые останавливаются в своем развитии и дают повод более прогрессивным соседям «овладевать некоторыми частями их территории и ассимилировать их, к собственному удовольствию этих частей»). Вымирание или ассимиляция завоеванного народа завоевавшим одни только указывают на его историческую неспособность. Впоследствии, в письмо к Родбертусу, Лассаль пак поясняет сказанное им в этой брошюре: «Право национальности я признаю лишь за великими культурными нациями, а не за расами, которые имеют лишь право быть ассимилированными этими нациями и выведенными на путь развития». См. Briefe von Ferdinand Lassalle an Carl Rodbertus-Jagetow, Berlin 1878, S. 57.). Поэтому немецкая демократия должна думать не о подавлении итальянской национальности, а об единстве немецкого народа. Но в этом случае ее

стремления совпадают с правильно понятыми интересами прусского правительства. Обстоятельства сложились очень благоприятно для этого последнего. «Если бы теперь на прусском троне сидел Фридрих Великий, то можно почти с уверенностью сказать, какой политике он стал бы следовать. Он понял бы, что пришло, наконец, время дать выход стремлению немцев к единству... Он считал бы это время самым благоприятным для того, чтобы вторгнуться в Австрию, провозгласить Германскую империю и предоставить Габсбургам устраиваться как они хотят в их не-немецких землях». Но так как нельзя от каждого данного правительства требовать, чтобы оно обладало энергией Фридриха Великого, то Лассаль желает, по крайней мере, чтобы Пруссия заговорила таким языком:

«На основании принципа национальностей Наполеон переделывает карту Европы на юге; прекрасно, - мы сделаем то же самое на севере. Наполеон освобождает Италию; очень хорошо, мы возьмем Шлезвиг-Гольштейн».

Он думает, что только такая политика могла бы еще показать способность монархии к какому-нибудь «национальному подвигу». Он уверяет прусское правительство, что в войне за Шлезвиг-Гольштейн «немецкая демократия несла бы прусское знамя и уничтожала бы перед ним все препятствия, с силой, которую способен породить лишь опьяняющий взрыв национальной страсти, подавляемой в течение пятидесяти лет, но не перестававшей согревать сердце великого народа».

Такое обращение к прусской монархии странно поражает в устах человека, который несколько лет спустя упрекал партию прогрессистов в том, что она «вынуждена своим догматом прусской гегемонии видеть в прусском правительстве Мессию германского возрождения, тогда как нет ни одного немецкого правительства, не исключая гессенского, которое в политическом отношении стояло бы позади прусского, и, наоборот, нет почти ни одного немецкого правительства, не исключая австрийского, которое не шло бы впереди прусского».

Это, бесспорно, вопиющее противоречие. И чего мог ждать от монархии «решительный сторонник социально-демократической республики»? Уже в статье «Fichte's politisches Vermächtniss und die neueste Gegenwart», написанной в январе 1860 года, сам Лассаль, приведя пожелание Фихте относительно того, чтобы прусский король явился революционным воспитателем Германии в духе свободы и единства, прибавляет:

«О, если бы король совершил этот подвиг! - так восклицает вот уже пятьдесят лет, то надеясь, то жалуясь, то раздражаясь, то снова надеясь, немецкий народ в своей политической пустыне, и только равнодушное эхо отвечает ему его собственным голосом... Увы, немецкий народ находится в положении гейневского юноши:

Es blinken die Sterne gleichgültig und kalt Und nur ein Narr wartet auf Antwort.

Выше мы заметили, что Лассаль не всегда имел достаточно терпения, чтобы установить надлежащее соответствие между своими целями и своими средствами. Теперь мы встречаемся с первым примером, могущим подтвердить справедливость сказанного. Объединенная Германия, «Grossdeutschland moins les dynasties», была заветной мечтой Лассаля. Для ее осуществления он иногда готов был идти рядом с прусским правительством, соглашаясь несогласимое, реакционную монархию с революционной демократией, забывая, что ему нужно было не только национальное единство, но и «воспитание в духе свободы», которое совсем не входило в прусскую педагогическую систему. Конечно, объединенной стране легче добиться свободы, и в этом смысле даже императорско-королевско-прусское объединение является для Германии шагом вперед сравнительно с тем, что было прежде. Но ничто не может помешать освобождению немецкого народа больше, чем вера в прогрессивную миссию прусской и всякой другой монархии.

Как бы то ни было, но появление брошюры «Der italienische Krieg» совпадало с началом общего возбуждения в Германии. Глубокая ночь реакции приходила к концу, уступая место серенькому дню либерализма. В Пруссии король Фридрих Вильгельм IV закончил свою реакционную карьеру окончательным умопомешательством. Еще в октябре 1858 г. назначено было регенство, и началась так называемая «новая эра». Лассаль не приходил, конечно, в умиление от либерализма нового министерства. Но, как видно из его переписки, он с уверенностью ждал важных политических событий, толчком для которых должны были

послужить международные отношения. В 1860 г. он встретился с Софьей Солнцевой и, страстно влюбившись в нее, послал ей, вместе с предложением руки, уже цитированную нами «исповедь». В ней мы отметим следующее характерное место.

Приглашая любимую девушку обдумать его предложение, он говорит:

«Прежде всего, Софи, надо хорошенько поразмыслить о том, что я человек, отдавший свое существование своему делу, с его крайними последствиями. Этому делу суждено торжествовать в нашем веке, но оно еще много раз подвергнет значительным неудачам и опасностям своих сторонников. В этой борьбе я могу встретить страшные положения, от которых, впрочем, никакая привязанность не отвратит меня. Мое состояние, моя свобода, самая жизнь моя всегда могут подвергнуться опасности. Ничто не верно со мною. Выйдя за меня, вы оснуете ваше существование, построите ваш дом на вершине вулкана. Хватит ли у вас отваги перенести в случае неудачи все: изгнание, тюрьму, разорение, бедность и даже самую смерть?»

Понятно, что не в рядах либеральной буржуазии мог он найти то великое дело, которому решил отдать свое существование. Он с презрением смотрел на ее бессильные попытки окончательно обуздать реакционную партию, и с нетерпением ждал того времени, когда ему можно будет вывести новых борцов на политическую арену Германии. Он чувствовал, что скоро придется ему нести науку к работникам.

Тем временем вышел в свет новый ученый труд его, «System der erworbenen Rechte, Eine Versöhnung des positiven Rechts und der Rechtsphilosophie» (1861) (Система приобретенных прав. Опыт примирения положительного законодательства с философией права). Это исследование еще более упрочило ученую славу Лассалья. Но так как первая часть его (Теория приобретенных прав) приводит к очень радикальным заключениям, то раздававшиеся в честь автора похвалы нередко сопровождалась сомнительным покачиванием головы и замечаниями в том роде, что названная теория легко может обратиться в практику отнятых прав. В своем месте мы познакомим читателя с содержанием этого сочинения.

Лассаль собирался написать еще «Философию Духа» (Philosophie des Geistes) и «Основы научной политической экономии» (Grundlinien einer wissenschaftlichen National-Oekonomie). Обстоятельства помешали ему исполнить это намерение. По его собственным словам, он уже готов был сесть за свой труд по политической экономии, когда вышеприведенное письмо Лейпцигского Комитета поставило перед ним экономические вопросы в практической форме. При том мы же знаем, что в характере Лассалья борец занимал слишком много места, чтобы надолго умолкнуть перед мыслителем. Точно также, как после окончания «Гераклита» он, за неимением поводов для политической агитации, взялся за революционную историческую драму, теперь, после выхода «Системы приобретенных прав», его увлекла литературная полемика. Уже в следующем, 1862 году появилась его, полная знания, ума, остроумия и до крайности резких полемических выходов брошюра «Herr Julian Schmidt, der Literarhistoriker, mit Setzerscholien herausgegeben». Эта брошюра была первым нападением его на ту «литературную чернь», которая так много испортила ему крови впоследствии.

Юлиан Шмидт кажется ему образцом свойственного этой черни самодовольства и ограниченности. «Если бы мой Юлиан был одиноким явлением, я не тронул бы его и пальцем!., но таких как он много, и здесь можно сказать, изменяя евангельское выражение: «один зван, но много избранных» (Чтобы дать понятие о полемических приемах Лассалья, мы приведем здесь одно место из его брошюры. По поводу «Римской Истории» Нибура Юлиан Шмидт говорит: «Некоторые исторические документы из древнейших времен города, дошли до нас в совершенно достоверной форме». Мнимый наборщик делает по этому поводу следующее примечание.

«Правда, г. Шмидт, правда - восклицает он. - Прочитавши это место, я побежал к знакомому студенту. С ним от радости чуть не сделалась пляска св. Витта. Итак, «исторические документы», и «в совершенно достоверной форме», и к тому же «из древнейших времен города», значит, по крайней мере, из эпохи царей! Г. Шмидт, жестокий вы человек, почему не опубликуете вы этих документов? Представьте себе радость, восторг, благодарность наших филологов, которые со слезами на глазах бросятся вам на шею. Берлинская Академия Наук сделает вас своим членом,

Парижский Институт выдаст вам почетный диплом, из Оксфорда вам будут присылать пожизненную ренту в 3.000 фунтов!

«Г. Шмидт, г. Шмидт, что же вы собственно открыли? Скажите же, безжалостный! И откуда они у вас, эти «исторические документы», и еще «в совершенно достоверной форме», и, наконец, «из древнейших времен города»! О, проказник! Вы наверное открыли нотариальный брачный контракт Нумы Помпилия с нимфой Эгерией? Куда же вы ходите, г. Шмидт? На восьми длинных, убористым шрифтом напечатанных страницах говорите вы о Нибуре и его исследованиях... даже не перелистовавши его сочинений! Потому что иначе вы не сказали бы подобной нелепости» и т. д.).

Резкий тон Лассалья, разумеется, был не по вкусу писателям шмидтовского калибра; они знали, что и сами они способны, в хорошую минуту, наговорить не меньшее количество глупостей, и потому вообще очень сочувственно относились к несчастному «историку литературы». Но авторитет Шмидта, сочинение которого выдержало перед тем четыре издания, был все-таки уничтожен. Измена стала проникать в среду его поклонников. «Главный редактор «National-Zeitung», г. Dr. Цабель кричал всякому встречному: я всегда это говорил, между тем как он прежде расточал в своем листке самые преувеличенные похвалы Юлиану», - рассказывал потом Лассаль в другом полемическом произведении. Самые нападки на «тон» брошюры показывали, что нечего было возразить против нее по существу. Победа нашего автора могла считаться общепризнанной.

Этот поход против Юлиана Шмидта был, в сущности, нападением на литературных героев и умственных руководителей тогдашней немецкой буржуазии. И уже из того, что Лассаль назвал впоследствии Шульце-Делича «экономическим Юлианом», видно, что он, прицеливаясь в «историка литературы», хорошо знал, в чей лагерь попадут его стрелы. За этой первой стычкой логически последовала общая атака против буржуазии, как класса, эксплуатирующего рабочих в экономическом и политическом отношениях. В самый разгар так называемого «военного конфликта», т. е. столкновения между прусской Палатой Депутатов и правительством по вопросу о новой организации армии, Лассаль выступил с речами «О сущности конституции», в которых он резко и заслуженно осуждает трусливую тактику прогрессистов. По его словам, политический строй каждой страны обуславливается существующими отношениями силы различных классов и слоев ее населения. Писанная конституция представляет именно эти отношения, выраженные словами и занесенные на бумагу. С изменением отношений силы изменяется и политическое устройство, старая конституция превращается в негодный клочок бумаги и пишется - новая. Изменения же этих отношений вызываются переменами в экономической жизни народов. Так, например, в средние века земля была главным источником национального богатства, и землевладельческая аристократия естественно являлась господствующим сословием. С развитием городов отношения силы изменяются. Горожане поддерживают сначала монархию, которая кладет предел феодальным неурядицам. Но, чем более развивается промышленность, тем более растут силы и образование среднего сословия, и оно приходит, наконец, в столкновение с абсолютной монархией: «в обществе наступает 18 марта 1848 г.». Абсолютная монархия падает, пишется новая конституция, выражающая новые отношения силы, и т. д. Отсюда вытекают два вывода.

Во-первых: «нет предубеждения, ведущего к более вздорным заключениям, как общераспространенное, господствующее мнение, будто конституции составляют исключительную особенность новейшего времени. Каждая страна необходимо имеет реальное уложение или конституцию», потому что «ведь в каждой стране непременно же существуют какие-нибудь фактические отношения силы». Новейшее время характеризуется лишь тем, что существующие теперь отношения силы заносятся на бумагу, выражаются в писаных конституциях, между тем как прежде в этом не видели надобности.

Во-вторых, для того, чтобы писаная конституция была хороша и прочна, нужно, чтобы она соответствовала действительной, т. е. существующим в стране реальным отношениям силы. Раз нарушено это соответствие, то ее не спасут уже никакие фразы об ее неприкосновенности. Именно в таком положении находилась, по мнению Лассалья, тогдашняя прусская конституция. «Она может измениться вправо или влево, - говорит он, - но уцелеть не может. Это доказывает всякому здравомысляющему человеку самый вопль об ее сохранении. Она может измениться вправо, если

изменение предпримет правительство, чтобы согласовать писанную конституцию с фактическими условиями организованной силы в обществе. Или выступит неорганизованная сила общества и снова докажет свое превосходство над организованной. В таком случае конституция будет отменена и изменена влево, как в первом случае - вправо. Но во всяком случае она погибла».

Эта неизбежная гибель январской конституции 1850 г. не могла быть большой потерей для низших классов, которым она не давала почти никаких политических прав. Но для них в высшей степени важно было положить предел самовластию правительства, иначе сказать, помешать изменению конституции «вправо». Во второй речи о «сущности конституции» («Что же теперь?») Лассаль указывает своим слушателям очень простое средство, с помощью которого Палата могла бы победить сопротивление правительства. Оно заключается в «заявлении того, что есть». По мнению оратора, Палата должна была бы сделать такое постановление:

«Принимая во внимание, что Палата отвергла бюджет расходов на новую организацию армии; принимая во внимание, что, несмотря на это, правительство по собственному сознанию продолжает со дня этого решения расходовать на этот предмет по-прежнему; принимая во внимание, что, пока это продолжится, прусская конституция... останется ложью... - Палата постановляет прекратить свои заседания на неопределенное время, а именно до тех пор, пока правительство не представит доказательства, что прекратило неутвержденные расходы».

Правительство было бы безусловно побеждено этим простым заявлением. В самом деле, ему оставалось бы или уступить, или править без палат, возвратиться ко временам голого, ничем не прикрашенного абсолютизма. Но если бы оно решилось на это последнее, то «поступок палаты - заявление того, что есть, - принудив правительство откровенно признать себя абсолютным, убил бы иллюзию, просветил бы немыслящих, ожесточил бы равнодушных к более тонким различиям. С этой минуты... все общество превратилось бы в организованный заговор против него, и правительству оставалось бы только заняться астрологией, чтобы по звездам узнать час своей гибели!»

Очень вероятно, что Лассаль был прав, и что только указанным, им путем можно было прийти к победе над правительством. Но какой ценой купила бы буржуазия эту победу? Во-первых, ей пришлось бы помириться с «изменением конституции влево», т. е. с расширением политических прав народа; и уже одно это обстоятельство должно было значительно умерять ее пыл в борьбе с правительством. Но, кроме того, перед ней открывалась вовсе уже неприятная перспектива народного революционного движения, внушавшего ей гораздо больше страха, чем реакционные замыслы Бисмарка. Поэтому прогрессисты не могли видеть в вышеприведенном совете ничего, кроме злой насмешки, имевшей целью уронить их достоинство в глазах рабочих. Раздраженные таким коварством, они обрушились на Лассаля с нелепыми упреками, обвиняя его в том, что он будто бы ставит силу выше права. На это он отвечал, что если бы он «создавал мир, то, по всей вероятности, устроил бы его так, чтобы право предшествовало силе»; но так как ему «не приходилось создавать мира», то он «вынужден отклонить от себя всякую ответственность, всякие похвалы и порицания за его устройство». В речах своих он говорил не о том, чему следовало бы быть, а о том, что есть в действительности; в действительности же «сила всегда предшествует праву и до тех пор предшествует ему, пока право, с своей стороны, не наберет достаточно силы, чтобы сломить силу бесправия» (Сила и право, стр. 472-473 1-го тома русского перевода.).

Впрочем, мы уже сказали, что, выступая со своими речами, Лассаль заботился не об обращении «прогрессистской» партии на путь прогресса. Напротив, еще за несколько месяцев до произнесения своей второй речи о конституции он бросил ей перчатку именно в той лекции «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия», которая, появившись потом в печати, так понравилась лейпцигским работникам. Лектор делает в ней обзор исторического развития европейского общества, начиная со средних веков, и показывает, как и почему в процессе этого развития данный класс сначала становился «господствующим во всех отношениях общественным фактором», а затем должен был уступать свое привилегированное положение новому «сословию». Так, господство землевладельческой аристократии сменилось господством буржуазии, а за буржуазией стоит рабочий класс, «четвертое сословие», которому также суждено стать, со временем, господствующим.

Сделав характеристику предыдущих исторических эпох, ознаменовавшихся господством крупного землевладения и капитала, Лассаль переходит к современному периоду. Начало его он относит к 24 февраля 1848 г. «В этот день во Франции, стране, титанические внутренние битвы которой своими победами и поражениями знаменуют победы и поражения всего человечества, разразилась революция, возведшая работника (Альбера) в члены временного правительства, возвестившая целью государства улучшение жребия рабочего класса, провозгласившая общее и прямое избирательное право, в силу которого каждый гражданин, по достижении 21 года, получает равное участие в государственной власти, в определении воли и цели государства, независимо от его имущественных обстоятельств».

«Если Революция 1789 г. была Революцией Tiers-Etat, третьего сословия, то революция 1848 года есть революция четвертого сословия, которое в 1789 году еще таилось в складках третьего сословия, и, невидимому, было тождественно с ним. Теперь оно желает сделать свой принцип господствующим принципом всего общества и проникнуть им все его учреждения. Но здесь, в господстве четвертого сословия, тотчас высказывается громадная разница с господством других сословий. Дело в том, что четвертое сословие есть последнее и крайнее сословие общества, сословие обездоленное, не имеющее и не могущее выставить никакого исключительного, правового или фактического условия, ни дворянства, ни землевладения, ни капиталовладения, которое оно могло бы обратить в новую привилегию и провести через все учреждения общества... Его дело есть действительно дело всего человечества, его свобода есть свобода самого человечества, его владычество есть владычество всех».

Далее Лассаль рассматривает принцип рабочего сословия в тройном отношении: в отношении формального средства его осуществления, в отношении его нравственного содержания и в отношении присущего ему воззрения на цель государства.

Средство осуществления его заключается в общем и прямом избирательном праве. Конечно, общее и прямое избирательное право не может предохранить рабочих от ошибок. «Мы видели во Франции в 1848 и 1849 годах, одно за другим, два неудачных избрания. Но общее и прямое избирательное право есть единственное средство, само заглаживающее с течением времени ошибки, к которым может повести неудачное пользование им в данную минуту. Это~копье, само исцеляющее раны, которые оно наносит. При общем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранное собрание не сделалось, наконец, верным и точным представителем избравшего его народа».

Что касается нравственного содержания рассматриваемого принципа, то Лассаль видит его преимущество в указанной уже невозможности для рабочего класса отделить свое дело от дела всего человечества, выставить на своем знамени какую-нибудь новую привилегию. У рабочего класса не может быть того противоречия между его эгоистическими, классовыми интересами и культурным развитием нации, которая «составляет причину глубокой и неизбежной испорченности привилегированных сословий». Эти сословия «осуждены жить среди своего собственного народа, как среди врагов, должны считать его врагом, поступать с ним как с врагом, должны хитрить и скрывать эту вражду, облекать ее разными более или менее искусственными покровами». Не то видим мы в низших классах. «Когда низшие классы общества стремятся к улучшению своего положения, как класса, к улучшению участи своего сословия, - их личный интерес совпадает с развитием всего народа, с победой идеи, с прогрессом культуры, с самим жизненным началом истории, которая есть не что иное, как развитие свободы».

Наконец, четвертое сословие имеет не только иной политический принцип, и не только относится иначе к прогрессу культуры, чем высшие сословия, но имеет еще совершенно иной взгляд на цель государства. Буржуазия проповедует государственное невмешательство, она говорит, что государство должно лишь обеспечить каждому беспрепятственное пользование его силами. Это было бы хорошо, если бы силы эти были одинаковы, если бы все члены общества были равно ловки, образованы и богаты. «Но такого равенства нет и быть не может. Поэтому мысль эта недостаточна и, в силу своей недостаточности, приводит к глубоко безнравственным выводам. Она приводит к тому, что сильнейший, хитрейший, богатейший эксплуатирует слабейшего». Она противоречит самой идее государства. «Государство есть единство личностей в одном нравственном целом, единство, умножающее в миллионы крат силы всех личностей,

вступивших в это единство, в миллионы крат увеличивающее индивидуальные силы каждой из них». Следовательно, и цель государства гораздо шире, чем думает буржуазия. Она состоит в том, «чтобы соединением индивидуумов дать им возможность достигать ступеней существования, недостижимых для одинокой личности, делать их способными приобретать такую сумму просвещения, силы и свободы, какая немислима для отдельных индивидуумов... Государство есть воспитатель и развиватель человечества к свободе».

В заключение Лассаль обращается к рабочему классу с красноречивым воззванием. «Высокая всемирная историческая честь Вашего назначения должна преисполнить собою все Ваши помыслы. Пороки угнетенных, праздные развлечения людей не мыслящих, даже невинное легкомыслие ничтожных - все это теперь недостойно Вас. Вы - камень, на котором должна быть построена церковь настоящего».

Эта лекция, так же, впрочем, как и речи «О сущности конституции», не содержит в себе ни малейшего намека на возможность какого бы то ни было соглашения между монархией и демократией. Недостойное Лассалья временное увлечение исчезло; друзья и враги снова могли узнать в нем того «решительного сторонника социал-демократической республики», который 13 лет тому назад возбуждал своих сограждан «к вооруженному сопротивлению королевской власти». Поэтому его лекция произвела переполох как в прогрессистском, так и правительственном лагере. Осторожно обходя щекотливый для них вопрос о господстве «четвертого сословия», прогрессисты тем настойчивее нападали на частности. Смелого лектора со всех сторон упрекали в ошибках, натяжках и преувеличениях. Прусское правительство, как водится, избрало более решительный способ действия. По предписанию прокурора все печатное издание страшной лекции было конфисковано, а квартире Лассалья был сделан обыск, а сам он попал под суд по обвинению в том, что «подвергнул опасности общественное спокойствие открытым возбуждением в неимущих классах ненависти и презрения к имущим».

Защищаясь перед судом, возражая своим противникам, отвечая на приглашение Лейпцигского «Центрального Комитета» подробнее развить высказанные им взгляды, Лассаль окончательно и бесповоротно выходил на путь той агитации, тревоги которой составляют почти все содержание 2-х последних лет его жизни.

«Гладиатор» нашел, наконец, подходящую для него арену.

Конец первой части (От редакции. Второй части не вышло.).

Источник: Плеханов Г.В. Сочинения. Т. 24.